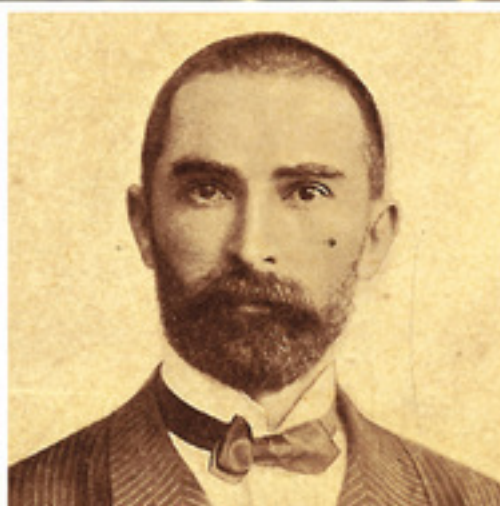

З.Х. ИБРАГИМОВА

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ
ЧЕЧЕНЦЕВ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Зарема Ибрагимова

**Царское прошлое чеченцев.
Власть и общество**

«Пробел-2000»

2009

УДК 39(=351.42):31
ББК 63.5(2)

Ибрагимова З. Х.

Царское прошлое чеченцев. Власть и общество /
З. Х. Ибрагимова — «Пробел-2000», 2009

Данная книга входит в серию монографических исследований кандидата исторических наук Ибрагимовой З.Х., посвященных развитию Чеченского региона в контексте формирования Российской империи. В книге предпринята попытка выявить особенности административно-экономического и культурного освоения Северного Кавказа, определить специфику взаимодействия власти и общества в этом процессе, установить основные этапы формирования Кавказского наместничества, Терской области, показать их специфические характеристики. Книга посвящена историческим судьбам Кавказа XIX века, выдающимся россиянам того времени, деятельность которых предопределила развитие этого важного региона России. Автор книги предлагает свежий взгляд на тему, все еще вызывающую споры в российской исторической науке и малоизвестную на Западе.

УДК 39(=351.42):31
ББК 63.5(2)

© Ибрагимова З. Х., 2009
© Пробел-2000, 2009

Содержание

Введение	7
Глава I	11
I. Историография	11
Евроцентристская и региональная этнография	11
Пересмотр проблем и аспектов отечественной истории	16
Информация о народах Кавказа, хранящаяся в библиотеках России	21
Формирование отечественной литературы о горцах в XIX веке	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Зарема Ибрагимова

Царское прошлое чеченцев: власть и общество

Академия наук ЧР
Комплексный НИИ РАН
Институт Востоковедения РАН

Историография и методология научного исследования
Формирование российского административного аппарата на Кавказе
Проблемы становления и функционирования военно-народной системы управления в
Терской области
Результаты деятельности кавказской администрации к началу XX века
Библиография

*Книга издана при поддержке
“Благотворительного фонда имени Зии Бажаева”*

* * *

Там, где свистящие картечи
Метала бранная гроза,
Лежит в пыли, на поле сечи,
В три грани черная коса.

Она в крови и без ответа,
Но тайный голос произнес:
«Булат, противник Магомета,
Меня с главы девичьей снес!»

Гордись красой неприхотливой,
В родной свободной стороне
Чело невинности стыдливой
Владело мною в тишине.

Еще за час до грозной битвы
С врагом отечественных гор
Пылал в жару святой молитвы
Звезды Чир-Юрта ясный взор.

Надежда храбрых на Пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прах вельнем рока
Скатилась с юного чела!

Оставь меня!.. Кого лелеет

Украдкой нежная краса,
Тому на сердце грусть навеет
В три грани черная коса...

А.И.Полежаев

...Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струюю дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал...

...Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?..

...Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?..

М.Ю. Лермонтов

Введение

*И устарела старина,
И старым бредит новизна.*

А.С. Пушкин

Обращение к прошлому России не только обогащает знаниями, но и даёт великолепный материал для осмысления современности, позволяет построить действенную систему управления. Незатухающая дискуссия о специфике российской государственности придает дополнительную актуальность изучению истории высших государственных учреждений, а также системы управления России. Современная политическая практика свидетельствует, что на Кавказе приходится решать задачи, во многом схожие с теми, которые составляли предмет особых забот Российского государства на рубеже XIX–XX вв. (с учётом изменившихся исторических условий). А это означает, что в таком деле может быть обеспечен успех только на путях соединения опыта прошлого с настоящим.

Значительная часть проблем современного российского общества не может быть успешно разрешена при сохранении в массовом сознании негативных стереотипов и установок в сфере межэтнических отношений, а также при отсутствии устойчивых моделей толерантного поведения, предполагающих уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности¹. Отсюда вытекает необходимость детального исследования сложного процесса интеграции чеченского общества в новую государственную систему, изучения важных психоментальных проблем адаптационного периода.

История государственного управления в России представляет собой крупную научную проблему, интерес к которой был стабильно большим, а в последние годы, в условиях системных преобразований в государстве, наличие настоящей потребности в оптимизации управленческой деятельности в государственных структурах и признания необходимости укрепления вертикали власти, заметно усилился. Современное общество заинтересовано в осмыслении накопленного опыта государственного строительства в нашей стране, чтобы перенять его достижения и не повторить совершённых ошибок. Исторический опыт региональной административной политики

и управленческой организации Российской империи, в арсенале которой были механизмы, позволившие ей просуществовать относительно стабильно, охватывая своими границами огромную полиэтничную и регионально разнообразную территорию, представляет несомненный интерес в условиях современной федеративной формы государственного устройства страны².

Актуальной представляется полная научная реконструкция региональных систем российского административного управления, установленных в присоединённых к России национальных окраинах и их взаимодействие (адаптация) с традиционными формами власти³. Научная постановка этой и других проблем возможна при реконструкции многоступенчатого механизма российской администрации на Кавказе. Без полной картины всех уровней властных структур, созданных на Кавказе, и определения их функциональных обязанностей невозможно было бы исследование других аспектов российско – чеченского взаимодействия⁴.

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью объективного анализа процесса распространения государственной структуры Российской империи на территорию

чеченского народа в пореформенный период 60-90-х годов XIX века. Изучение исторического опыта развития региона после завершения войны не утратило научно-практического интереса в наши дни. После завершения Кавказской войны перед царским правительством встала исключительно сложная задача включения новых территорий в политико-административную структуру империи, что совпало притом с эпохой проведения буржуазных реформ в стране в целом. Во второй половине XIX века основной проблемой Российского государства на Северо-Восточном Кавказе явилось введение многочисленного чеченского народа, ранее воевавшего против России, и не входившего в систему её административных структур, под управление государственной власти, с возможно меньшим ущербом для казны и с перспективой прибыльности данного региона. Чеченцы столкнулись с необходимостью прохождения адаптационного периода в условиях единой российской экономики, социально-политической сферы и культуры, во время глобальных капиталистических реконструкций общественных моделей Российского государства.

Наиболее острыми проблемами для коренных жителей Терской области в XIX столетии являлись: установление военной диктатуры – связанное с этим отсутствие демократических начал, общественного самоуправления; неупорядоченность правовых отношений, вызванная созданием «особого законодательства» для регионов Северного Кавказа, в условиях практически полного отсутствия контролирующих и апелляционных инстанций, разрушение устоявшегося уклада жизни и традиций народов, проживавших на территории области; санкционированное правительством переселение горцев в Турцию, результатом чего стали многочисленные жертвы среди мирного населения. Важнейшие административно-политические преобразования были произведены, без какого бы там ни было согласия с жителями (референдума или хотя бы простого опроса).

Мы далеки от того, чтобы проводить прямые параллели между днём сегодняшним и событиями более чем вековой давности, так как и Россия в целом и Северный Кавказ за этот период претерпели кардинальные изменения. Но не обращать внимания на исторический опыт организации государственной власти на территории, отягощённой последствиями длительного военного конфликта, не пытаться выяснить, каковы были механизмы, позволявшие объединить народы, стоявшие на разных стадиях экономического и политического развития, имеющие различные социокультурные и этноконфессиональные параметры, не учитывать какие средства приносили наибольший результат с точки зрения поддержания политической стабильности на Северном Кавказе после включения его территории в состав Российской империи так же неблагоприятно.

Проблема данного исследования актуальна и в том плане, что она составляет хотя и небольшую, но неотъемлемую часть такой крупной темы, как расширение Российского многонационального государства. Нельзя получить полного представления о процессе, путях и особенностях образования и развития многонационального государства, не зная истории сплетения в единую цепь подобной государственной системы отдельных её звеньев. Процесс духовного возрождения России, без развития которого невозможно экономическое процветание страны не существует изолированно от уважительного отношения к прошлому как всей страны, так и её регионов.

Начиная с середины XVI в. на протяжении трёх столетий Российское государство постоянно раздвигало свои пределы. По мере постепенного образования многонациональной державы русский народ расселялся в присоединённых владениях. В XVI–XX вв. многочисленное русское население мигрировало со своей первоначальной этнической территории в Поволжье и Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, Прибалтику и Белоруссию, в Украину и на Кавказ. Пребывание русских в некоторых из этих регионов исчисляется уже столетиями. Так в нашем государстве появились национальные окраины, то есть территории, не принадлежащие к зоне формирования великорусского этноса. Длительное существование местных и пришлых этно-

сов привело к складыванию уникальной российской цивилизации, основанной на вкладе всех народов России.

При контакте различных народов нередко возникали сложные проблемы, и корни многих межнациональных конфликтов современности лежат в истории прошлых столетий. В конце XX века руководство Чечни поставило вопрос об отделении от России и получении политической независимости. Тот же вопрос поднял на восстание 1877 года сотни чеченцев. В сложившихся до присоединения Чечни к Российской империи конкретно-исторических условиях, чеченский народ мог или быть в составе России и тем самым обеспечить, вопреки политике царизма, объективно более прогрессивный и перспективный путь своего развития, или же остаться самостоятельным, но подвергаться постоянным угрозам со стороны иноземных поработителей. Этот тезис подтверждает современная история многих народов, входивших в состав Российской империи и СССР.

Актуальность предлагаемой работы состоит в том, что в ней анализируется характер и формы политики российского правительства в отношении иноязычных народов страны, их место в общей структуре государства и межэтнические связи. Это важнейшие направления исторических исследований, которые могут способствовать выработке новой общегосударственной идеологии, на деле объединяющей народы Российской Федерации.

Актуализация исторической памяти приводит к тому, что постановка ряда острых общественно-политических проблем в регионе в постсоветский период напрямую выводится из исторического прошлого. Масштабная переоценка фактов, явлений и процессов нашего исторического прошлого, политизация и идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипулирование историко-политическими стереотипами массового сознания приводят к искажению образа Северного Кавказа, показывают его как региона исторически нестабильного и конфликтного. Гораздо меньше внимания уделяется тому, что Кавказ изначально являлся областью устойчивого взаимодействия многих этносов и культур⁵. Актуальным также является изучение ошибок, допущенных в прошлом, чтобы не допустить их повторения в настоящем и будущем. Так, например, если после окончания Кавказской войны у местных жителей просто отнимались земли без возмещения материального ущерба, то после завершения Чеченской войны, жители, лишившиеся своих угодий в результате военных действий и военного строительства (гарнизонов), получили денежную компенсацию от правительства Российской Федерации⁶. Таким образом, определенные исторические выводы сделаны, и ошибки прошлого уже учтены.

Вопросы отношений живущих в единой социально-экономической и политической системе народов всегда были и будут одной из актуальных практических, а вместе с тем и теоретических проблем. В центре бурно развивающегося в современном мире общественного сознания встали две взаимосвязанные проблемы: а) где истоки межнациональных противоречий и конфликтов; какие объективные и субъективные факторы привели к их современному состоянию; б) что необходимо сделать для решения проблем национального бытия и достижения межнационального консенсуса и мира. На многие из этих вопросов отвечает историческая наука.

Проблема власти многогранна и многоаспектна. Она является одной из ключевых для характеристики человеческого сообщества любого уровня в той его части, которая относится к организованному взаимодействию субъектов исторического процесса, то есть к управленческой деятельности во всех её проявлениях. Взаимодействие власти и народа на разных этапах отечественной истории постоянно привлекало внимание как собственно историков, так и исследователей, занятых в других областях гуманитарного знания. Различные аспекты проблемы рассматриваются в традиционных для отечественной науки конкретно-исторических исследованиях и обобщающих трудах по социальной и политической истории, изучаются специалистами по истории государства и права. Она становится одной из центральных тем в

новейших работах, в том числе по ментальной и интеллектуальной истории, культурологии. Изучение проблемы власти является важнейшей частью исторической науки, поскольку тема российской государственности, её эволюции, значения и роли в истории, имеет не только научный, но и общественно значимый характер.

Многоаспектная постановка проблемы, анализ сущности и специфика кавказской политики России во втор. пол. XIX века, позволяет сугубо с научной точки зрения сделать объективные обобщения и выводы о взаимоотношениях чеченцев с крупнейшей мировой державой, в состав которой они вошли⁷. Это дает возможность создать реальную и объективную картину в намеченных хронологических и методологических рамках научного исследования.

Примечания

¹ Шарапов В.В. Межэтнические противоречия и проблема толерантности в межнациональных отношениях: Монография. – Самара, 2005. – С.5.

² Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). – Оренбург, 2005. – С.6.

³ Адаптация – взаимодействие социальной группы или личности со средой, включающее усвоение норм и ценностей этой среды в процессе социализации. Словарь современных понятий и терминов. – М., 2002. – С.12. Адаптироваться – приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 1998. – С.35.

⁴ Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис... докт. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – С.3.

⁵ Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. – Нальчик, 2001. – С.3.

⁶ Сухов И. Для душевного спокойствия // Время новостей. – М., 2007. – С.4.

⁷ Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С.14.

Глава I

Историография и методология научного исследования

I. Историография

Евроцентристская и региональная этнография

Кризисные явления в сфере межнациональных отношений различных регионов Российской Федерации показали, что наименее изученным нашими учёными оказался региональный аспект межнационального вопроса¹. Глобальная теория единой истории российской Евразии не представляет возможным увидеть своеобразные черты прошлого ряда регионов Российской Федерации. Это в первую очередь относится к Северному Кавказу. Традиционная история нашего региона была представлена как эпизоды в историях местных горских и степных народов, Турции и Ирана, а также как эпопея славянских народов на северокавказской земле. Такое представление рождалось идеей о «закономерном» движении на юг и расширении Российского государства, что уже не соответствует современной важности и актуальному характеру изучения структурных и социокультурных процессов в регионе. Последние десятилетия стали для академического сообщества временем, когда все явственнее стало ощущаться разрушение модернистского сознания, а вместе с ним проявление неприятия глобальных объяснительных схем. Происходит отказ от самого главного в историзме – представления о «заданности» истории как постепенном, неуклонном поступательном движении от низших форм – к высшим.

В настоящее время нас интересует социокультурная история региона в разнообразии и единстве его составляющих, его собственная идентичность и включенность в общероссийский и шире, в мировой исторический процесс. В качестве объекта изучения выступают зоны культурного обмена и контактов между коренными жителями Северного Кавказа и пришлым населением. Характер ландшафта, культурные, хозяйственные и социально-психологические особенности народов Кавказа, предшествующий опыт взаимодействия с русскими и казаками превратили регион не в границу, разделяющую воюющие армии, а в территорию контакта, взаимопроникновения культур и формирования полиэтничного общества. К XIX в. этот процесс, благодаря государственной экспансии, перерос в жестокое противостояние, но даже в период наиболее активных военных действий взаимодействие носило разнообразный характер. В процессе контакта создавались новые социокультурные формы, и одновременно две общности укрепляли и развивали прежние социальные и культурные модели выживания.

Взаимодействие было многосторонним и многофакторным, поскольку происходило (как явно, так и скрыто, неосознанно) в различных сферах, принимало самые разные формы. Как любое социальное явление, взаимодействие происходило на макро – (национальном, государственном) и на микро – (личном, бытовом) уровнях. Все разнообразие взаимоотношений можно условно разделить на три группы: военно – политические, торгово-экономические и духовно-культурные. Формами контактов различных слоев населения становились и ассимиляция, и аккультурация, и кооперация, и этнокультурный изоляционизм. В качестве основных ресурсов выступали демографический потенциал и контроль над пространством². В области культурной истории становятся приоритетными исследованиями региональные истории с многослойными контактными зонами. Исследовательское поле истории пограничных областей – своего рода лаборатория для мультикультурализма. Следует заметить, что в американ-

ской историографии можно встретить концепт «пограничная область», примененный к Кавказскому региону³. В современных условиях изучение северокавказского региона в рамках междисциплинарных исследований пограничных областей представляется чрезвычайно актуальным. Историки обязаны выявлять не столько типичные, сколько индивидуальные и уникальные черты, своеобразие исторических феноменов кавказских обществ. Сам же разговор о границах важен, в первую очередь, чтобы понимать, как эти границы естественные и мнимые, реальные и воображаемые осмысливались на психологическом уровне полиэтничного населения. Отрадно отметить, что современная отечественная гуманитаристика все чаще обращает внимание на феномен «культуры многообразия»⁴.

Представляется важным исследовать не столько межнациональные конфликты, сколько опыт совместного проживания, хозяйствования, природопользования. Поэтому исследовательское поле истории пограничных областей Северного Кавказа – своего рода лаборатория для мультикультурализма. Здесь проживают отличные от других регионов страны социокультурные сообщества, скомбинированные из черт горских, степных, земледельческих и индустриальных этносов и полиэтнических групп мусульман, христиан, буддистов и пр. Колонизационные процессы восточноевропейских этносов, искусственная политика русификации и т. п. только ускоряли старый конфликт между Севером и Югом и не привели, за редким исключением, к смешению коренных и пришлых народов, а локализовали их в этнические и социокультурные миры, в зону северокавказских пограничных областей.

Отношение к истории конфликтов между народами, к Кавказской войне до сих пор очень неоднозначно. Если следовать логике некоторых кавказоведов конца XX – начала XXI в., то получается, что Россия, исходя из своих геополитических интересов, преследовала, прежде всего, миротворческие и гуманитарные цели на Кавказе. Все время, подчеркивая геополитические аспекты происхождения Кавказской войны, эти авторы как бы снимают с России нравственную ответственность за кровопролитие. Они рассуждают следующим образом: «Этими войнами отстаивалась собственная государственность, национальное достоинство, раздвигались и защищались родные пределы... Славные «кавказские» страницы ратной летописи Российского государства не подлежат забвению, сомнениям или ревизии...». И не единого слова сожаления о десятках тысяч горцев, погибших в ходе этих войн. Видно они размышляют по принципу «лес рубят, щепки летят» и «война все спишет». По мнению видного кавказоведа Ш.А. Гапурова, по своей сути политика России на Кавказе в XIX веке была колониальной, но отличалась от «классической» колониальной практики западноевропейских держав⁵.

По мнению О.Г. Ворониной, Россия, по сути, вела на Кавказе колониальную войну. Ожесточенность войны связана, прежде всего, с тем, что именно Чечня и Дагестан со своими землями были целью завоевания. Цели этой войны, на взгляд указанного выше автора, впрочем, как и средства и силы сторон, были неадекватными: для России, это была в некотором роде «война престижа», «карманная война», с различной степенью удач по «усмирению» горцев. Для горцев же вопрос стоял о независимости, сохранении национальных и религиозных устоев. Даже в самый разгар войны звучали слова о «гуманной миссии России», о том, что она должна стать источником света, культуры и просвещения для кавказских народов, что Россия «несет цивилизацию» на Кавказ. По отношению к народам Востока, горцам, русские ощущали некое превосходство, выражавшееся в том, как будто они стоят на более высокой ступени развития. Это всегда задевало коренных жителей Кавказа⁶.

Евроцентристская установка европейской, в том числе и отечественной историографии не могла поставить «другого» в одно историческое время со «своим», который представлялся совершеннее. Поэтому первый всегда мыслился как «пришелец из прошлого», из того прошлого, которое уже миновало для второго. В отечественной, как и в европейской исторической науке существовал психологический дефицит понимания истории «другого». Сегодня

многие признают, что стандарты социального развития и прогресса различаются в зависимости от культурных и исторических условий. Процесс достижения модерности (современности) не шел по одной исторической магистрали, он следовал альтернативными путями и имел «региональный», «множественный» или вообще «другой» характер. Неслучайно, для определения региональных или локальных особенностей современности исследователи стали использовать понятия «альтернативные модерности», «параллельные модерности» и т. д.⁷

Европейская историография модерна всячески подчеркивала «инаковость» других народов, непохожих на европейцев, указывая, что европейцы приносят этим «варварским» или «диким» народам умиротворение и «порядок». Эту традицию поддержали и российские ученые. Так, например, С.Ф. Платонов отзывался о восточных обществах как о «некультурных» племенах, «прочный порядок» которым несет Россия. С.В. Фарфаровский описывая «трухмен», позволил себе следующее выражение: «И вот в массивах Кавказа мы видим осколки этих народностей, изолированные группы, сохранившие свои обычаи чуть ли не каменного и бронзового веков, говорящих на неисследованных языках седой древности». Влияние стадильной теории, имеющей в основе своей представление о линейном развитии всех народов мира, проявилось и во взглядах Фарфаровского на духовную жизнь и культуру ногайцев и других жителей Кавказа⁸.

Сторонники «симпатизирующей этнографии» вырабатывали образ чеченцев как гордых дикарей, сама природа которых противоречит и не подчиняется закономерностям развития общества, знакомым всему миру; как свободного народа, не идентифицирующего себя с государством и обществом, в котором они живут, более того – народа, созданного для войны с государством как формой организации общества, как этнической группы, не разделяющей и отвергающей ценности и ориентиры других групп, в частности, доминантной в общем для них государстве, какой бы сферы жизнедеятельности они не касались. Мало того, что сконструирован ложный образ целого народа, этот образ удалось прочно поселить в общественном мнении мирового масштаба... Как показывает практика, перечисленные постулаты были чужды этнической системе чеченцев. Напротив, история свидетельствует об их достаточно высокой восприимчивости к политическим и социальным реалиям и перипетиям, демонстрирует ясное и четкое понимание происходящего и адекватную реакцию на него; осознание и заявление желаемого в политических и социально – экономических плоскостях, анализ препятствий на пути достижения и выработку предложений по их устранению⁹.

Одним из представителей «симпатизирующей этнографии» в начале XXI является И. Пыхалов. Он следующим образом высказался по поводу исторической судьбы Чечни и чеченцев: «Итак, включение Чечни в состав Российской империи было неизбежно: ни одно деспотическое государство не потерпит существования у своих границ «маленького, но гордого народа», чьими основными промыслами являются разбой и работорговля. После чего встал вопрос – что же делать с «дикими горами?» К чести царского правительства, у него и мысли не возникло последовать примеру «цивилизованных наций» и истребить чеченцев поголовно, как поступили в те же годы англичане с коренным населением Тасмании, или же загнать их в резервации, как это сделали американцы с индейцами. Поскольку чеченцы, чье общественное устройство к сер. XIX века все еще оставалось на стадии родоплеменных отношений, как и положено «дикарям», понимали лишь язык грубой силы, для их «вразумления» рядом располагалось Терское казачье войско»¹⁰. Искажение и прямая фальсификация исторических фактов И. Пыхаловым не только вводят в заблуждение читателей, но и носят оскорбительный характер для чеченской нации, провоцируя конфликты, в условиях сложных межнациональных отношений как внутри страны, так и за ее пределами. Доктор философских наук, профессор В.Х. Акаев в своей работе «Ислам в Чеченской Республике» поясняет, что социально-экономические отношения в конце XVIII века среди чеченцев формировались не за счет

набеговой системы и грабежей и уж тем более мюридизма, сформировавшегося в начале 30-х годов XIX века благодаря освободительному движению имамов Дагестана и Чечни Газимухаммеда и Шамиля. Социально-экономическое становление чеченцев без сомнения развивалось на основе аграрной и торговой деятельности чеченцев, производивших в большом количестве зерно и реализовывавших его на территории соседей¹¹.

В научной литературе о проблемах адаптации говорится скупо. Между тем не счесть косвенных упоминаний, опосредственных соображений, связанных с адаптацией. И это естественно, ибо адаптация – постоянный и важный фактор исторического процесса. В бесчисленных проявлениях: человек – и человеческий социум, и человек как индивидуум – сталкиваются с необходимостью адаптироваться в меняющихся условиях. При этом порой возникает удивительный кругооборот – человек сам меняет условия жизни и сам вынужден приспосабливаться к вызванным им же изменениям. Адаптация перманентна и присуща человечеству на всех этапах его развития. Проблемы адаптации поразительно многообразны. Социально-этническая адаптация означает приспособление отдельного человека или человеческой общности к изменениям социальной и этнической обстановки в результате эволюций, войн, завоеваний, миграций и т. д. Адаптация происходила на протяжении всей истории человечества, отличаясь осознанностью действий от происходившего и происходящего повсеместно в живой природе адаптациогенеза¹².

Кавказская война (1818–1864 гг.) завершила присоединение Северного Кавказа к России. Среди чеченцев распространено очень живое чувство истории, и, Кавказская война даже сегодня – была словно вчера. Особенно актуальна эта тема стала после окончания Чеченской войны. По мнению Г. Алины Старовойтовой, необходимо признать, что государство уже который раз давало повод чеченцам искать путей независимости от этого государства¹³. Для значительной части народов Северного Кавказа и тот, и этот период стали тяжелой трагедией, связанной с массовой гибелью людей в результате военных действий, болезней, всяческих лишений. Фактически с горцами произошли катастрофические изменения. Были разрушены традиционные формы уклада жизни и хозяйствования, коренным образом изменилась этнодемографическая структура Северного Кавказа и в связи с внутри региональными миграционными процессами и с беспрецедентным переселением горских народов в Османскую империю в результате поражения в войне и политики Российской империи и других держав по отношению к коренным жителям стратегически важного района – Кавказа.

Еще одной послевоенной травмой для чеченцев стало то, что они были обмануты в своих ожиданиях принятых на себя властью обязательств по отношению к ним. С окончанием Кавказской войны главнокомандующий русской армией генерал – фельдмаршал А.И.

Барятинский обнародовал «Прокламацию чеченскому народу». В этом документе от имени императора России обещалось горцам немало льгот и привилегий. Нет необходимости подробно перечислять «все льготы», которые были обещаны чеченцам. По мнению осетинских историков А.А. Магометова и В.Д. Дзидзоева «...Прокламация представляла собой образец лицемерия и преступной колониальной политики»¹⁴. Во – первых, в документе закреплялось несправедливое перераспределение земли. Делалось это в пользу горской знати, которую хотели привлечь на сторону царизма. Во – вторых, «Прокламация» была двойственной. Ее можно было трактовать так, как было удобнее царскому правительству и чиновникам. «Все земли и леса на плоскости, где жил чеченский народ до возмущения 1839 года, – говорилось в «Прокламации», – будут отданы вам в вечное владение». Однако дальше идет существенное добавление: «исключая тех, которые заняты под укрепления с принадлежащими к ним плоскостными местами; эти земли навсегда останутся в собственности казны. Те же земли и леса в горной полосе, которыми народ до возмущения не пользовался и откуда вышел при нынешней покорности, останутся в запасе и распоряжении правительства, и каждому аулу будет дан

акт и план на вечное владение землей». Можно предполагать, что на такие обещания царизм шел именно в то время, когда очень нуждался в доверии горцев, когда царская администрация уже утверждалась на Северном Кавказе, но еще не так прочно, как это хотели в столице империи. До Барятинского привлекательные обещания горцам раздавались неоднократно. Например, наместник М.С. Воронцов в «Прокламации горским народам» в 1845 году писал: «Земля ваша, именно ваша, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения...»¹⁵. Однако мало что из сделанных обещаний реально было выполнено.

Г. Старовойтова в своем интервью провела следующую аналогию между немецкой и российской истории: «...Помните, немецкий лидер Вилли Брандт, – говорит Галина Васильевна, – Посетивший территорию Варшавского гетто, перед сотней телекамер неожиданно опустился на колени и замер? Он выражал покаяние нации за зло, содеянное задолго до его правления. И цивилизованный мир принял покаяние Германии, позволил ей объединиться и стать сильнейшей державой Европы». «Только где он – наш Вилли Брандт?» – восклицает далее Галина Старовойтова. Вместо покаяния общество начинает привыкать к войне, находить в ней даже пользу...»¹⁶. Путь к раскаянию после содеянного может быть долгим и трудным. Но как же украшает мужество признать свою вину – украшает и человека, и общество и государство.

Желание чеченцев услышать публичные, официальные извинения за геноцид, которому они подверглись в период 1944–1957 гг. понятно и обосновано. Право на признание допущенной в отношении целого народа несправедливости, безусловно, имел как весь народ, так и каждый его представитель. Репрессии в отношении народов не были публично признаны. Чеченцы, как и другие депортированные народы, возвращались на родину не как пострадавшие от антиконституционной государственной политики. По меткому выражению Х. – М. Ибрагим-бейли, в глазах советской общественности они были «помилованы» государством. Подобный взгляд на эту проблему широко распространен и сегодня. Что, в свою очередь, говорит о том, что реабилитация чеченцев должным образом не состоялась и по сей день¹⁷. В этих условиях закономерным и вполне прогнозируемым было начало рефлексии чеченской национальной элиты по поводу политической истории своей этнической общности¹⁸.

Несмотря на все вынесенные тяготы, даже в крайне тяжелых послевоенных условиях горцы продемонстрировали свои превосходные адаптационные возможности. В результате диалога культур, обмена импульсами и достижениями в различных сферах возникает новое равновесие, которое определяется изменившимися соотношениями элементов и их модифицированной сопряженности¹⁹. Если народ действительно уважает себя, он застрахован от комплекса неполноценности и никогда не потеряется, не растворится среди других. Такова абсолютная истина: общение народов между собой способствует развитию их собственных культур. Культура представляет главный смысл и главную ценность существования, как отдельных народов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла²⁰. Многие межнациональные конфликты имеют ложные причины, поскольку в их основе лежат не объективные противоречия, а непонимание позиций и целей другой стороны, приписывание ей враждебных намерений, что порождает неадекватное чувство опасности, угрозы. Разумеется, эту благодатную почву всячески стараются в своих целях использовать политики, властные структуры²¹.

Не только в России, но и во всем мире становится предпочтительным изучение имперских территориальных единиц с позиций полидисциплинарного подхода. Проблема прав народов все больше и больше дает о себе знать. Сложность и многогранность категории «права народов» делает ее объектом исследования различных наук: политологии, социологии, философии, истории и юриспруденции. Однако правовой аспект данной проблемы до недавнего времени полно и всесторонне не анализировался. Отмеченные факторы объясняют актуаль-

ность проблемы и необходимость ее углубления. Научные изыскания призваны акцентировать внимание на механизмах консолидации усилий государственной власти и институтов гражданского общества по формированию межнационального мира и согласия, обогащению многовековых самобытных культур и традиций народов нашей страны, упрочнению принципов взаимоважания и веротерпимости²².

Жанр исследования пограничных областей становится сейчас популярным в общественных и гуманитарных дисциплинах Европы и США. Полидисциплинарные и компаративные подходы, историческая и культурная антропология помогают обратить внимание на взаимовлияние народов, на историю диаспорных отношений и миграционных процессов, а также на историю перенимания экономических, политических, социальных, семейных, бытовых и пр. традиций и навыков, на прошлое и настоящее сельскохозяйственных типов, национальных предрассудков, научных и околонаучных стереотипов²³. По версии С. Хантингтона Кавказ представляет собой зону контакта и столкновения цивилизаций. Согласно его версии, самые кровопролитные конфликты в мире возникают именно на разделительных рубежах цивилизаций, так как тут противостоят христианство и ислам²⁴. Еще недавно в историографии существовала практически непроницаемая мембрана между континентальными империями, которые было принято описывать как «традиционные», и морскими империями, которые описывались как «модерные». В настоящее время эта позиция разрушается. Сегодня историки признают не только то обстоятельство, что «традиционные» континентальные империи в XVIII и особенно в XIX веке уже отнюдь не были вполне традиционными, но и то, что в морских империях этого времени сохранялось не мало традиционных элементов общественного устройства и форм контроля центра над периферией²⁵.

Пересмотр проблем и аспектов отечественной истории

Сегодня стоит вопрос о переосмыслении политики царизма на Кавказе. Было время, когда тот или иной народ историки с легкостью объявляли добровольно вступившим в российское подданство на основании первого же соглашения, договора местной знати с Москвой или же с провинциальным российским начальством. На самом деле картина была гораздо более сложной. Отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному, и нужно тщательно проанализировать различия во взглядах на статус пребывания в составе России, с одной стороны, у русских властей и, с другой – у присоединенных народов.

В 2007 году вышла статья С.Л. Дударева, посвященная судьбе концепции «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России», где автор задает своим оппонентам несколько вопросов: «Ну, положим, – пишет ученик В.Б. Виноградова, – растопчите вы окончательно «добровольное вхождение». А что признаете? Масхадовско – удуговскую идею о 400-летию противостояния России и Чечни? Или вернетесь к «задам» – включению Чечни в Россию в результате Кавказской войны? И что опять будет в основе такого «единения» – только борьба, кровь, смерть? На таком фундаменте, господа хорошие, общего будущего у России и Чечни нет»²⁶. Таким образом, Дударев шантажирует общественность, грозя тем, что оглашенное истинное положение вещей может спровоцировать очередной конфликт и совсем не задумывается о том, что обычно все войны и противостояния возникают именно из-за заговоров, лжи и скрытых обид, что дорога в ад устлана именно «якобы благими» намерениями...

Сейчас в нашей науке происходит кардинальный пересмотр множества проблем и аспектов отечественной истории. Один из принципиальных вопросов – трактовка присоединения народов и территории к России, выстраивание отношений между ними и центральным правительством. Уходит в прошлое апологетический подход, ученые учитывают как добровольные,

так и насильственные формы присоединения²⁷. Необходимо называть вещи своими именами. Северный Кавказ был завоеван в XIX веке силой оружия. Только после упорной, долголетней борьбы России удалось сломить сопротивление горцев. Последствия войны ощущались на протяжении десятилетий. Только честно рассказанная правда снимет последние наслоения недоверия, приведет к более глубокому межнациональному уважению и сотрудничеству²⁸.

Решение задач освоения Северо-Кавказского региона традиционно подразумевало высокую степень ответственности должностных лиц и неослабное внимание всего российского общества. В этих условиях роль ученых-кавказоведов неизмеримо возрастала. Разработка и накопление знаний о Кавказе, а также обобщение первого опыта управления «кавказской окраиной», решение проблем межэтнических и межконфессиональных отношений не могло происходить вне общего контекста осмысления в отечественной науке государственной проблематики. Анализ историографии второй половины XIX – начала XX вв. показал, что за этот период был накоплен обширный материал по различным проблемам русско-кавказских отношений. В дореволюционный период происходило развитие исторического кавказоведения, в рамках которого в той или иной мере находили свое отражение проблемы влияния внешнего фактора на обстановку среди кавказских этносов, внутреннего положения и преобразований в Кавказском регионе, управленческой деятельности имперских властей по обустройству горских народов и активному вовлечению его в сферу общероссийских интересов, то есть те проблемы, которые отражали сущность кавказской политики в Российской империи²⁹.

Во второй половине XIX века значительное внимание историки уделяли формированию новой социально – экономической структуры в исследуемом районе, анализировали поземельные и сословные отношения горцев Северного Кавказа, стремились показать характер и перспективы экономического взаимодействия с Россией. Однако даже те работы, которые были написаны на базе конкретного исторического материала, далеко не всегда полно отражали весь комплекс проблем социально – экономического и культурного развития Чечни. В начале XX в. характер исследований претерпел существенные изменения; первоочередными в работах историков становятся вопросы организации взаимоотношений всех коренных национальностей Российской империи, в том числе и народов Северного Кавказа. Накануне революции был дан мощный импульс дискуссиям на тему национально – государственного строительства. Проблема наилучшего устройства российского многонационального государства затрагивалась в программах различных движений и партий, возникших на политической арене России³⁰.

Утверждение исторической концепции марксизма и зависимость исследовательской деятельности от идеологических установок партии определяли подходы и направления развития исторического кавказоведения в советский период. Победители имеют свойство переписывать историю по своему образу и подобию. Они понимают, что контроль над информацией и ее интерпретация – это контроль над общественным мнением. Взгляды тех, кто не принимает ни одну из господствующих теорий, не выходят за пределы узких кругов и не становятся известными широкой общественности. Оппозиционные воззрения намеренно замалчиваются, с тем, чтобы максимально обезопасить влияние ортодоксальных теорий на массы людей. В связи с довлеющими идеологическими установками и государственной цензурой в первые годы советской власти практически прервалось дальнейшее развитие традиционного русского кавказоведения.

С октября 1917 года начинается качественно новый историографический период, особенностью которого являлась тесная связь исторической науки с идеологическими установками партии и советского правительства. Вслед за В.И. Лениным советские историки стремились показать негативную роль царского правительства в подавлении национальных интересов народов Северного Кавказа. Анализ историографии показывает, что в первые годы советской власти проблему взаимоотношения центральной власти и национальных регионов выдвигала

не столько его недостаточная научная разработанность, сколько сам реальный процесс государственного строительства на национальных территориях. Этим объясняется интенсивный поиск оптимальной национально – государственной модели, осуществляемый большевистскими лидерами, нашедший отражение в многочисленных публикациях. Дабы не допустить в научный обиход противоречащие данные и удержать качающееся здание ортодоксальных построений, уже с первых революционных лет прибегали к двойным стандартам. Уничтожающей критике подвергался всякий, кто оказывался достаточно независимым – иначе говоря, достаточно честным в обращении с фактами. При такой позиции официальных научных кругов важные данные легко превращались в нечто малозначимое или вовсе устранились из научного обихода³¹. Удивительно точно, в связи с этим подметил Карл Поппер, говоря, что книги это «третья реальность»; первая из которых – объективно существующая, а вторая – субъективная³².

Толкование истории присоединения кавказских народов к Российской империи и связанных с этим «освободительных движений», оценка роли органов власти России по данной проблеме подвергались известной коррекции в угоду политической конъюнктуры: от концепции «абсолютного зла» до расширительного толкования тезиса о «наименьшем зле» и добровольном характере присоединения горских народов к Российской империи³³. Поскольку колониальное правление с его высокомерными претензиями на культурное и политическое превосходство интерпретировались в научных кругах как противоречащее моральным принципам, – возможно, именно поэтому для изучающих историю колониализма в России всегда было естественным отыскивать примеры сопротивления местного населения колониальному правлению, чтобы подтвердить его незаконность и продемонстрировать неотъемлемо присущее угнетенным стремление к освобождению... Исследование темы позволяет довольно точно выявить пределы имперского господства и дает возможность (хотя бы в принципе) наделять подданных империи сознанием и волей, не зависимыми от элитных слоев, а также самостоятельностью и самосознанием, которые позволяли им на определенном уровне «творить свою собственную историю». Возможно, именно по этой причине ученых так привлекали примеры оппозиционных движений, принимающих явно «политическую» форму, – например, националистические движения, поскольку ясное словесное выражение требований и стремлений, наличие представлений об источниках угнетения и способность поднять людей на рискованные действия для улучшения существующей ситуации – все это предполагает наличие высокого самосознания³⁴.

В первые годы советской власти было характерно безоговорочное и недвусмысленное осуждение царского колониального режима; в соответствии с этим сопротивление местного населения считалось полностью оправданным и поэтому оценивалось историками положительно. Ранняя советская историография 20-х – первой половины 30-х гг. XX века рассматривала включение Северного Кавказа в состав Российской империи как типичное колониальное порабощение, при котором классовые интересы царизма и его генералов сомкнулись с устремлениями местных феодалов. Набеги горцев на соседей стали объяснять географическим фактором, а именно нехваткой ресурсов в условиях чуть ли не нищенского быта... В духе экономоцентричной марксистской схемы в ранней советской историографии понятие «хищничество» стало увязываться с экономической отсталостью горцев, подавленностью их двойным гнетом российских и местных эксплуататорских классов³⁵.

С конца 1920-х гг. в историографии утверждается «партийноклассовый» подход к изучению всех явлений и событий прошлого, отодвигающий на второй план научно – историческое содержание и фактологическую сторону изучаемых проблем. Привлекая новые факты, исследователь всегда подспудно осознавал опасность быть обвиненным в «буржуазно – националистическом», или, в каком – либо другом «уклоне». Безоговорочно осуждая царизм и создаваемые им институты, советские авторы подчеркивали, что, например, государственная школа

была все-таки лучше традиционной конфессиональной. При этом вопросы развития конфессионального образования разработаны в советской историографии крайне слабо, практически все авторы останавливаются на деятельности только государственных учреждений. Краеведческая литература советских времен, как правило, шла по пути сбора фактического материала на местах, стараясь не давать ему нового научно – теоретического обобщения³⁶.

В конце 30-х – 40-е гг. XX в. в советской политике и науке произошел резкий поворот. Официальный курс поздней сталинской эпохи заключался в признании объективной ценности государственных традиций царской России. Широкие завоевания XIX в. получили положительную оценку. Присоединение Северного Кавказа к Российской империи стало рассматриваться как «меньшее зло», открывшее путь к ускорению общественного развития региона, отмиранию в нем феодально – патриархальных «пережитков средневековья»³⁷.

В 1930-е гг., несмотря на жесткие идеологические ограничения, в развитии историографии вновь обострился интерес к политике России на Кавказе, что отчасти было связано с принятием Конституции 1936 г. и новыми веяниями в национальной политике советского государства. Важной частью историографии данного периода являются исследования, в которых содержалась критика не только имперской политики царизма, но и национализма малых народов Кавказа³⁸.

В тяжелые 40-е годы и сразу после Отечественной войны наблюдалась все более глубокая приверженность идее «дружбы народов»; эта идея стала проецироваться также и на дореволюционный период. Русская имперская экспансия, теперь понимавшаяся в основном как совокупность оборонительных операций или же попыток защитить нерусских соседей от внешних врагов или от междоусобных конфликтов, стала расцениваться как позитивное и прогрессивное явление; соответственно сопротивление нерусских народов русскому режиму вначале подверглось безоговорочному осуждению, а затем его одобряли лишь при условии, что в акциях сопротивления неоспоримо присутствовал «социальный аспект» или же в них принимали участие социальные низы. Это существенно обедняло тематику взаимодействия. С точки зрения П.В. Верта, «акции «сопротивления» имеют место лишь в крайних случаях (например, на самой ранней стадии установления имперского господства), тогда как мирная «подрывная деятельность» является характерной чертой повседневной жизни имперской провинции «даже в периоды кажущегося благополучия»³⁹. Необходимо было больше уделять внимания пассивной оппозиционности местных национальных сообществ по отношению к разнообразным инициативам имперского центра, которая, несмотря на «мирный» характер, могла значительно «осложнять жизнь» и «портить нервы» властям. Если говорить в целом, то с начала 1940-х гг. и вплоть до XX съезда партии в 1956 году наблюдается заметный спад в исследовании кавказской темы. Объективное исследование взаимоотношений России и горских народов стало невозможным в силу политических обстоятельств, главным образом из-за проводившейся в 1940-е годы политики депортации ряда народов Северного Кавказа в Среднюю Азию.

В конце 1950-х – первой пол. 80-х гг. наиболее одиозные положения сталинской историографии были забыты. В рамках советской марксистской парадигмы кавказоведы послевоенных десятилетий выдвинули тезис о том, что накануне российского завоевания северокавказские народы стояли не на стадии первобытности, а относительно развитого феодализма⁴⁰. В эти десятилетия советского правления наблюдалась постепенная историографическая «ревизия». Преобладающая тенденция теперь выражалась в том, чтобы подчеркнуть двойственный характер угнетения нерусских народов, отдавая при этом дань известной ленинской характеристике царской России как «тюрьмы народов» и в то же время, продолжая настаивать на исторически «прогрессивном» значении вхождения нерусских народов в состав России, поскольку социальный уровень развития местного населения обычно считался более отсталым, чем российский и, следовательно, более далеким от социализма. Советские историки обычно склоня-

лись к романтизации сопротивления и пытались свести все причины недовольства к основным социально – экономическим факторам, даже когда материал источников явно указывал, что на карту ставились иные вопросы. Наиболее вопиющим в этом отношении было толкование религиозного сознания, которое либо полностью игнорировалось, либо интерпретировалось исключительно как способ выражения социального протеста⁴¹. Вместе с тем существовала официальная установка о добровольном вхождении всех без исключения народов и окраин в Российское государство, дружбе народов и солидарности трудящихся, существовавших на территории Советского Союза во все исторические эпохи. От историков ждали обоснования этих официальных положений. Целый ряд тем, таких как колониальный характер российского продвижения на Северном Кавказе, оставались закрытыми для исследования⁴².

В 60-е гг. наблюдался всплеск интереса к национально – освободительному движению горцев Северного Кавказа, который подкреплялся, главным образом, начавшейся с 1957 года политикой реабилитации депортированных сталинским руководством народов. Отличительной чертой созданных в 1960-е гг. работ, является пристальное внимание историков к проблеме культурного влияния России на Чечню и активной работой исторических школ в регионах⁴³. В 1970-е – перв. пол. 1980-х гг. наиболее актуальной темой в исторических исследованиях становится проблема развития феодализма и этнокультурных особенностей горских народов⁴⁴.

С конца 80-х годов XX века сложились условия, позволяющие писать историю, не приукрашенную и усеченную, а такую, какой она была в реальности. Стало возможным устранить «белые пятна», пересмотреть оценки и сказать «всю правду». Выполняя эту роль, историческая наука вносит вклад в нравственное возрождение общества, ибо правда – высшая нравственная ценность. Острейшие практические проблемы современной общественной жизни (особенно в сфере межнациональных отношений) имеют глубокие исторические корни, без выявления которых их невозможно разрешить. Их питает пласт ошибок, несправедливостей, преступлений и умалчиваний, последствия которых копились десятилетиями и даже веками. Кроме того, главной тенденцией сдвигов в духовно-идеологической сфере стало возрождение национального самосознания, что вызвало резкое повышение общественного интереса к истории⁴⁵.

С конца 1980-х гг. исследование кавказского региона получает совершенно новое направление. Проблема национально – освободительного движения горцев Северного Кавказа становится наиболее популярной темой в национальных республиках, особенно в Чечне и Дагестане. Политика России на Северном Кавказе получает в работах исследователей в основном негативную оценку, а лидеры освободительных движений превращаются в национальных героев. Начиная с 1988 года, на страницах печати поднялась настоящая волна материалов, осуждавших политику насильственной депортации чеченцев в Казахстан и Киргизию в 1944 году.

В постсоветский период особенно стал актуален в историографии цивилизационный подход исследования исторических процессов. Под данным способом понимается сформулированная еще Н. Данилевским, а затем А. Тойнби необходимость исследовать историческое прошлое того или иного народа как часть общей истории человечества, являющейся результатом определенного взаимопроникновения и взаимодействия. Сравнительное исследование цивилизаций дает широкие возможности для изучения контактов различных культур во времени и пространстве. По мнению российских ученых, колонизация – один из основных факторов, позволивших России успешно справляться с масштабными проблемами. При этом колонизация рассматривается как сложное историческое явление. Ввиду того, что сам процесс колонизации того или иного социокультурного пространства представляет собой ни что иное, как своеобразную культурную интервенцию, неизбежно меняющую реальную действительность, применение цивилизационного подхода позволяет учесть ряд существенных факторов, опре-

деливших исторические условия развития страны в результате инкорпорирования в традиционную российскую среду носителей иных культурных традиций⁴⁶. В целом в постсоветской историографии продолжают господствовать подходы поздней советской школы: Кавказская война предстает как разновидность национально – освободительного движения, дореволюционное общество изображается переходным от феодализма к капитализму, а российское завоевание и реформы – как мощный толчок к такому переходу. Отличительной чертой историографии эпохи перестройки является свободная трактовка известных исторических событий, в том числе и не профессиональными историками (энтузиастами-самоучками) и просто дилетантами. В это сложное и бурное время преобладали критические взгляды на национальную политику не только царской России, но и советского государства.

Заметные перемены в развитии отечественной историографии можно наблюдать в период с начала 1990-х по настоящее время. Особенностью данного периода является то, что исторические исследования постепенно стали приобретать относительную самостоятельность от любых видов идеологии и яркий индивидуальный почерк, стремление к неординарному историческому решению, поиску новых тем и открытий. Прodelав огромную работу по изучению вновь открывающихся для исследователей баз архивных и литературных источников, ученые по – иному взглянули на многие факты истории российского освоения Кавказа⁴⁷. Интерес к национальной политике Российской империи дополнительно актуализировался в связи с обострением комплекса национальных противоречий на постсоветском пространстве, длительной Чеченской войной⁴⁸.

К сожалению, приходится констатировать, что историография народов Кавказа всё ещё остаётся почти не исследованной проблемой. Немного и работ, посвящённых историческому анализу трудов даже видных учёных-кавказоведов. Современная историческая наука переживает кризис фундированности исследований. Между тем ссылки в тексте – это средство научной коммуникации и своеобразная валюта, которой современные исследователи оплачивают долг перед предшественниками. Они позволяют проследить ход получения данного научного результата, сообщают работе достоверность, обрисовывают круг литературы, содержащей необходимые сведения о проблеме, и создают контекст исследования⁴⁹.

Публикации о Чечне и чеченцах, подобно крошечным, но экзотическим «островам», разбросаны в великом безбрежном «океане» разновременных и многопрофильных изданий. Отыскать в нем эти заветные «острова», таящие крупницы знаний, – задача, посильная лишь многолетним и целеустремленным поискам историков – краеведов. Ввиду этого каждый новый исследователь, приступавший к изучению Чечни, вынужден был изучать ее как бы заново⁵⁰.

В данном исследовании не ставится задача дать общий историографический обзор всех работ, посвящённых истории Чечни второй половины XIX века. Это представляет собой самостоятельный предмет изучения. Поэтому в историографическом очерке затронуты лишь те работы, которые имеют принципиальное значение, а также труды, отражающие наиболее характерные с методологической точки зрения позиции авторов, или напротив, наиболее оригинальные концепции⁵¹.

Информация о народах Кавказа, хранящаяся в библиотеках России

При исследовании настоящей темы, автором была привлечена литература по истории Кавказа, выходящая в свет с последней четверти

XVIII века по 2008 год включительно. Условно её можно разделить на литературу, описывающую Кавказский регион, и общероссийскую. К последней относится, например, работа Ф.Н. Фадеева «Вооружённые силы России», где Кавказ затрагивается только в определённом

военно – стратегическом аспекте. В работе «Письма с Кавказа» (СПб., 1865) Р.А. Фадеев отмечал: «Сравнивая то, что есть, с тем, что могло быть, я не боюсь и обвинения в преувеличении, когда скажу, что покорение Кавказа есть величайшее из внешних событий русской истории XIX века... Утверждение русского владычества на Кавказе должно оказать решительное влияние на всю сумму азиатских дел...»⁵².

Для того чтобы охватить вниманием, в ходе исследования, как можно большее количество изданных работ по истории Кавказа, необходимо было в течение 16 лет работать не только в центральных, общеизвестных книгохранилищах, но и изучать литературу в уникальных библиотеках (например, научно-справочной библиотеке РГИА, Синодальной библиотеке), ведомственных (ЦНСХБ – Центральная научная сельскохозяйственная библиотека при Министерстве сельского хозяйства РФ) и специализированных (ЦНМБ – Центральная научная медицинская библиотека им. И.М. Сеченова, библиотека Германского Исторического института) хранилищах. Самыми крупными и известными библиотеками в нашей стране являются РГБ (г. Москва) и РНБ (г. СПб.). В Российскую государственную библиотеку (РГБ) поступают обязательные экземпляры всех изданий, но в силу её публичности и доступности, многие книги портят читатели, из-за чего данные издания становятся недоступными для изучения. В Российской национальной библиотеке (РНБ), находящейся в Петербурге, особенно интересен отдел периодики, богатейший по своему составу, т. к. в изучаемом нами

XIX веке он был центральным, столичным хранилищем в Российской империи, в силу чего единичные издания газет и журналов сохранились только там.

Особое внимание кавказоведам стоит уделять Государственной публичной исторической библиотеке (г. Москва). Эта библиотека родилась из частных собраний (библиотеки А.Д. Черткова, А.И. Барятинского и др.). На протяжении всей своей истории – и в стенах Исторического музея, и будучи самостоятельной Исторической библиотекой, основные свои фонды изданий XV – начала XX века она получала из «вторых рук». В 1887 году в библиотеку Исторического музея наследники фельдмаршала А.И. Барятинского передали на хранение его библиотеку⁵³. Князь Барятинский скупал различные коллекции книг, особенно много у него было книг по истории кавказского края⁵⁴. В ГПИБ долгие годы целенаправленно собиралась литература, освещающая историю Кавказа, благодаря чему библиотека имеет прекрасную коллекцию кавказоведческих изданий. Научно-справочная библиотека РГИА небольшая, но она располагает единичными экземплярами книг, которые не доступны для читателей в других книгохранилищах. Это одно из собраний дореволюционных официальных и служебных изданий. В состав библиотеки вошли книги из собраний архива и Департамента герольдии Сената, собраний Синода, Канцелярии е.и. в., библиотек министерств народного просвещения, путей сообщения, финансов, частных собраний⁵⁵. В фондах ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам) хранятся депонированные рукописи, зачастую более нигде не изданные, благодаря чему приобретают особую ценность. В библиотеке Института Востоковедения РАН присутствует много интересной, редкой литературы по истории Востока, в том числе подаренные авторами экземпляры редких книг. Центральная научная сельскохозяйственная библиотека имеет большое хранение, где удалось обнаружить ценные материалы по истории развития сельского хозяйства на Кавказе, а также изучить флору и фауну Чечни. Данные издания уже давно исчезли из фондов других библиотек. Интересными и уникальными в своем роде являются фонды Российской государственной библиотеки по искусству (РГБИ), находящейся в центре культурной жизни страны. В библиотеках города Владикавказа находится много местных кавказских изданий, которые по тем или иным причинам не попали в центральные библиотеки страны. Они являются самобытным и очень интересным для исследователя материалом.

К сожалению, в ходе боевых действий в городе Грозном была уничтожена крупнейшая Республиканская библиотека им. А.П. Чехова, где хранились тысячи редчайших экземпляров монографий, сборников, статей по истории Чечни. В связи с печально известными событиями, поработать над темой там не удалось – все книги сгорели. Во время Чеченской войны в Грозном был уничтожен Научно-исследовательский институт гуманитарных наук Чеченской Республики. В его библиотеке хранились труды всех известных кавказоведов, полевые материалы научных изысканий по языкам вайнахских народов и их этнографии, а в спецхранилищах НИИ находились оригинальные средневековые книги и рукописи. Полностью сгорели во время боев в г. Грозном Центральная научно-техническая библиотека, Республиканская детская библиотека, архивы творческих союзов. В Художественный музей угодило несколько бомб, артиллерийских снарядов, здание сложилось «книжкой», и под обломками оказалась вся коллекция (более 3,5 тыс. экспонатов). При обвале здания погибла и картотека, и книга поступлений, а в Москве учет ценностей этого музея никогда не велся, поэтому сказать, какие именно шедевры утрачены, сегодня нельзя. Под его обломками бесследно исчезло более 40 тыс. экспонатов уникальных археологических коллекций. Та же участь постигла произведения декоративно-прикладного искусства⁵⁶.

В Центральном государственном архиве ЧР сгорело почти 650 тыс. дел, отражавших историю чеченского, ингушского и славянских народов более чем за два столетия. Национальный архив располагался в нескольких помещениях. В здании бывшего горкома партии бомбоубежище, где находился архив, было рассчитано на атомный взрыв, тяжелая металлическая дверь закрывалась штурвалом. Во время Чеченской войны там ничего не осталось, все рухнуло. Металлические стеллажи спеклись, перекутились. Подвалы всех зданий, где были сосредоточены архивы, оказались пробитыми, бумага рассыпалась по развалинам серым пеплом. 28 декабря, когда уже в Грозном шли бои, сотрудники архива собрались на работе. Всех охватило отчаяние: что делать? Забили окна и двери гвоздями и разошлись. Транспорта для вывоза архива не было. В короткие периоды перемирия сотрудники архивной службы возобновляли свою работу, пытаясь сохранить то, что осталось. Такого удара по национальной памяти, как сейчас, народ еще не испытывал. Во время Гражданской войны народ понес много потерь, но архив сохранился. Во время Великой отечественной войны, когда немцы подступали к Грозному, архив спасали – по частям вывозили за пределы Республики, кое-что уничтожили, боясь, что попадет в руки немцам. После выселения чеченцев и ингушей в Среднюю Азию тоже часть архива была уничтожена, но многое сохранилось, многое спасли простые грозненцы. В конце XX века в Чечне произошло самое страшное для исторической памяти народа – уничтожены национальные архивы, музеи и библиотеки⁵⁷.

Формирование отечественной литературы о горцах в XIX веке

Перейдём теперь к группировке материалов, отразивших в той или иной степени историю чеченского народа и взаимоотношений его с государственными структурами России во второй половине XIX века. Прежде всего, как наиболее ранние, следует выделить сведения путешественников и исследователей; сводные монографические работы, использовавшие неизданные источники, и не большую группу материалов, отразившую официальное изучение горцев царизмом. В 60-е годы XIX века на Кавказ устремились учёные, литераторы, деятели искусств, которые изучали этнографию, историю, природные богатства, хозяйственный быт населения. Большая часть этих работ публиковалась в газетах и журналах. Так, например, книга Маркграфа даёт чрезвычайно ценный материал о положении кустарной промышленности и отдельных групп кустарей и ремесленников не только в 70-х годах XIX века, в то время, когда собирався материал, но и значительно раньше⁵⁸. На подготовку и составления очерка у Маркграфа ушёл один год. Работу эту он начал по инициативе Чаха Ахриева, Золотарёва и других лиц,

проводивших в это время исследования в Терской области. В ходе работы О.В. Маркграф столкнулся с неожиданными для него препятствиями: «Промышленное исследование, – писал он, – на Кавказе весьма затруднялось тем, что у туземных племён значительное большинство производства составляет труд женский; спрашивать же магометанку в высшей степени затруднительно, а наблюдать её занятия и вникать в её домашний быт – сопряжено с опасностью для жизни»⁵⁹.

Довольно много свидетельств о путешествии на Кавказ сохранились еще с XVIII столетия. Достаточно интересным являлось путешествие по Кавказу ученого-любителя польского графа Я. Потоцкого в 1798 г. После его смерти, в 1829 г., было издано сочинение графа, первый том которого содержал общеисторические произведения Потоцкого. Вторым том рассказывал о путешествии по Кавказу, о кумыках, чеченцах, ингушах, адыгах, кабардинцах и ногайцах⁶⁰. В 1799 году увидела свет фундаментальная работа И.-Г. Георги, посвящённая изучению народов, населявших в то время Российскую империю. В данном энциклопедическом труде Иоганн – Готлиб Георги, немецкий учёный на русской службе, обобщает результаты собственных этнографических исследований, а также рассматривает работы известных российских ученых. Сам Георги на Кавказе не бывал, но пользовался, очевидно, данными Палласа и, несомненно, данными ученого и путешественника А. И. Гюльденштедта. Иоганн – Антон (Антон Иванович) Гюльденштедт (1745–1781), академик, исследователь Кавказа, в юности учился в Риге, степень доктора медицины получил в Берлине⁶¹. По мнению другого исследователя, И.-Г. Георги, у чеченцев были князья, и существовало дворянство, но в 1773 году они «... умертвили своих владетельных князей». Работа И. – Г. Георги по праву признана мировым эталонным этнографическим исследованием⁶². Эркерт фон Рудольф Франц стал автором фундаментального труда «Кавказ и его народы» (1885), изданного на немецком языке. Эркерт провел антропологические измерения некоторых кавказских народов по системе Вирхова. Эркерт фон Рудольф Франц длительное время служил на Кавказе и имел чин генерал-майора Российской армии. Последние годы жизни он провел в Германии⁶³.

Описанию Чечни посвятил свою работу Иван Иванович Норденстамм. Он прибыл служить на Кавказ в 1829 г. и, участвуя в экспедиции 1832 г., составил «Краткое военно – статистическое описание Чечни», которое явилось первым специальным сочинением об этой части Северного Кавказа. Норденстамм дал не только географический обзор страны, но и попытался ответить на вопрос, связанный с происхождением чеченцев, их религиозных взглядах, языке, хозяйстве, военных силах⁶⁴. Особенно следует выделить заслуги офицеров – разведчиков в годы Кавказской войны, которые проникали в глубь горских земель и тайно составляли их описание. За подписью барона Р.Ф. Розена от 31 июля 1830 г. вышло «Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск Левого фланга Кавказской Линии и соседственных, покорных и непокорных», дающее сведения об аварцах, кумыках, чеченцах. Вероятнее всего, что автором «Описания» был кто-то из офицеров Генерального штаба, составившим этот документ по приказу начальника. Как писал в своем отчете А.А. Вельяминов, «... в 1832 году, в продолжение экспедиции против Кази-Муллы, предпринятой в восточной части Кавказа. собраны сведения о местах, чрез кои следовали войска, в землях Кистинцев, Назрановцев и в Чечне». Для того, чтобы правильно ориентироваться в северокавказской проблеме, российским властям было крайне необходима разносторонняя и объективная информация об этом регионе и, особенно о народах, его населявших⁶⁵.

Интересны записки о путешествии в зону недавних боевых действий на Восточный Кавказ двух англичан – Дж. Аберкромба и А. Каннингема, которые больше интересовались этнографически-лингвистическими аспектами жизни местных горцев. Учитывая интерес Великобритании к этому региону, можно предположить, что данные путешествия и изданные

впоследствии книги не прошли мимо британского правительства и спецслужб⁶⁶. Среди путешественников было много людей, которые посещали Кавказ с определенными заданиями. К ним относился и Эвлия Челеби: находясь на службе у турецкого султана, он посетил в числе других территорий и земли горцев. Его произведение ценно тем, что в нем содержится очень много верных наблюдений, сведений, характеристик⁶⁷. Однако Эвлия Челеби, как большинство путешественников, склонен был к всякого рода преувеличениям. Обаяние новых впечатлений во время путешествий зачастую приводят к неспособности понимать факты в другом культурном контексте. Поэтому его путевые заметки следует анализировать критично⁶⁸. Значительное количество путешественников прибывало на Кавказ и из Западной Европы, не только с исследовательскими целями, но и как резиденты различных спецслужб. В кавказоведческой библиотеке Боннского университета хранятся уникальные книги: П. Кентманна «Кавказ», «Опыт справочного систематического каталога печатных сочинений о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих» (Составил М. Миансаров), «Кавказ и его народы Р. Еркерга (1887), «Народы Кавказа и их освободительные войны против русских» Ф. Боденштедта (1859), «Античная литература и эпиграфика о Кавказе» и многое другое. В этих работах преобладает в основном описание кавказских народов, выявление их особенностей и отношение к окружающей среде и т. д., то есть тот незаменимый эмпирический материал, который необходим для понимания кавказских народов и дальнейшего осмысления причин происшедших на Кавказе событий⁶⁹.

Взгляд «извне» имеет свои достоинства и недостатки. Одним из главных достоинств является «свежесть» восприятия. Местные жители фиксируют, в основном «явления в каком-либо роде особенные, выходящие из ряда обыкновенных», но со временем в исторической науке особенно ценными становятся сведения о повседневной жизни, не вызывающие у них никакого интереса в силу своей обыденности. Для иностранца, напротив, именно отличающиеся от привычного, бросается в глаза и вызывает интерес, поэтому их материалы изобилуют этнографическими данными. Главный недостаток взгляда «извне» проистекает из указанного достоинства: человек другой культуры, не всегда способен понять, правильно интерпретировать или уловить нюансы увиденного. Для этого могут быть разные причины: плохой перевод или полное его отсутствие, ограниченное время для наблюдения и изучения, предвзятое отношение. Но, в любом случае, этот опыт является бесценным и требует должного внимания, тем более для народов, утерявших свои собственные письменные источники из-за жизненных катаклизмов⁷⁰.

Среди работ, посвящённых Чечне, очень значительное место занимает работа чеченского автора У Лаудаева, под названием «Чеченское племя». Автор её, чеченец, колоритная фигура. Учился он в кадетском корпусе и к моменту издания работы имел чин ротмистра царской армии⁷¹. Работа «Чеченское племя», как говорится в предисловии, представляет собой только выдержки из рукописи Лаудаева, что, разумеется, снижает её значение как исторического источника, так как редактирование, очевидно, изъяло не мало интересных мест. Но, не смотря на это, историк не может пройти мимо этой работы. Лаудаев хорошо знает чеченские отношения, он сообщает ряд весьма существенных данных по вопросу о родовых взаимоотношениях и, что особенно интересно, даёт возможность разобраться во внутрительповых отношениях, показывая, что и здесь царит тот же принцип эксплуатации, что и в отношениях между тейповых. Правда, эти данные Лаудаев приводит как бы нехотя, можно сказать, что он проговаривается, но тем интереснее его высказывания⁷². Историко-этнографическая статья У. Лаудаева вобрала лучшие черты российской буржуазной науки – историзм и подход к истории как к непрерывно развивающемуся объективному процессу, поиск закономерностей общественного развития, представления о государстве как высшей форме общественной организации, стоящей над обществом и действующей в интересах его в целом. Традиционную для либераль-

ной историографии схему борьбы «родового» и «государственного» начал У Лаудаев насытил таким количеством бесценного этнографического и фольклорного материала – что статья «Чеченское племя» и по сей день остаётся важнейшим источником по истории дореволюционной Чечни⁷³. Для исследователя также представляет интерес статья капитана К. Самойлова «Заметки о Чечне». Основное её содержание – состояние сельского хозяйства, промышленности и торговли у чеченцев⁷⁴.

Авторы историко-экономических очерков о горских народах Северного Кавказа – А.П. Ипполитов, Н.С. Иваненков, Г.А. Вертепов, Е.Д. Максимов, Н.П. Тульчинский были чиновниками областного правления и весьма успешно и плодотворно сочетали службу с публицистической деятельностью, тем более, под их руками оказывался добротный статистический, исторический и этнографический материал. Они единодушно квалифицировали земельную недостаточность горцев на плоскости и в нагорной полосе⁷⁵. Работа начальника Аргунского округа А.П. Ипполитова «Этнографические очерки Аргунского округа», содержит интересные данные о социальном строе Чечни. При всём стремлении этого автора представить чеченское общество обществом равных, у него встречаются знаменательные оговорки. Так, он пишет: «Впрочем, из того, что я сказал, касательно отсутствия в племенах чеченского происхождения всякого аристократического начала, не надо заключать, однако же, что стремление к нему в народе не существовало»⁷⁶. Теперь остановимся на статье Н.С. Иваненкова «Горные чеченцы». Особенно большое, можно сказать, решающее значение для историка, изучающего социальное расслоение горского общества, имеют приведённые Иваненковым данные о земельных пожалованиях Шамиля, являющиеся бесспорным доказательством роста в горах новых групп феодалов⁷⁷. Вопрос об уровне развития общественных отношений являлся спорным у авторов XIX, XX и XXI вв. Так М.К. Любавский, Н.С. Иваненков, М.М. Ковалевский, А.И. Ипполитов признавали наличие в XIX веке у вайнахов феодальных отношений, правда, обременённых сильными родовыми пережитками. Однако даже те авторы XIX в. (В.А. Потто, Р.А. Фадеев, Н.Ф. Дубровин, А.П. Берже), которые доказывали крайнюю «отсталость» горских народов, в своих трудах приводили материалы, свидетельствующие о сословном делении горских обществ, о социальных противоречиях и классовых столкновениях⁷⁸. Указанные авторы имели воинские звания, были офицерами и, прежде всего, выполняли те функции в своей работе, на которые их толкал государственный интерес. Николай Федорович Дубровин (1837–1904) был генералом от артиллерии. Он окончил Михайловскую артиллерийскую академию. После непродолжительной службы Дубровин был прикомандирован к Главному штабу для выполнения военно-исторической работы (1869) и в 1882 году был назначен членом военно-ученого комитета⁷⁹.

В 1901 году в Тифлисе под редакцией известного историка Кавказской войны начальника военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа и директора Кавказского военно-исторического музея генерал – майора В.А. Потто был издан «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско – горских, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885». Авторы сборника под руководством А.Л. Гизетти проделали огромную работу по изучению архивных документов и подсчитали, что за 64 года войн на Кавказе (с 1801 по 1864 г) общие боевые потери составили 96 275 человек. Непосредственно в войнах с горцами с 1818 по 1864 г. потери русской армии составили 91 853 человека: убитыми 22 954 человека (732 офицера и 22 222 нижних чина), ранеными 63 340 человек (3 032 офицера и 60 308 нижних чина), пленными 5 559 человек (87 офицеров и 5 472 нижних чина)⁸⁰.

Антон Людвигович Гизетти родился 11 июня 1836 года. В 1863 г. окончил Николаевскую Академию генерального штаба. В 1882 г. прибыл для несения службы на Кавказ. Являлся начальником штаба местных войск Кавказского военного округа. В 1890 г. по состоянию здо-

ровья Гизетти вышел в отставку, и все свободное время посвятил изучению истории Кавказа. В 1896 г. появился в печати его труд «Хроника Кавказских войск». Эта работа была сделана по первоисточникам и официальным докладам. Также были известны следующие работы А.Л. Гизетти: «Библиографический указатель напечатанных на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе» (СПб., 1901) и «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-Горской, Персидской, Турецких и в Закавказском крае 1801–1885 гг...» (Тифлис, 1901)⁸¹.

Война не благоприятствует ведению точного учета и статистики потерь. С чисто военной точки зрения считалось, что командующему более важно знать численность бойцов, которыми он располагает для тех или иных боевых действий, чем дифференцированные причины выбытия бойцов из строя. Вместе с тем по самому характеру военных действий сколько-нибудь точная дифференциация неосуществима. Невозможно учесть во время происходящих военных действий, сколько из так называемых «пропавших без вести» убито, попало в плен, дезертировало, сколько из числа попавших в плен было ранено, сколько пленных умерло от ран, от болезней и сколько было убито в плену. Более или менее точно учесть все это обычно не удается, и после окончания войны. На точность данных о военных потерях в прошлых войнах в ряде случаев влияет также сознательная и намеренная фальсификация этих данных, как со стороны победителя, так и со стороны побежденного⁸².

Россия заплатила очень высокую цену за присоединения Кавказа. До сих пор не представляется возможным произвести сколько-нибудь точные подсчеты людских потерь и финансовых затрат. Современные историки по-разному оценивают количество погибших в годы Кавказской войны. Х.М. Абдуллин считает, что потери Кавказского корпуса составили 77 тыс. солдат и офицеров погибшими, пленными и пропавшими без вести⁸³. В.В. Лапин предположил, что общие боевые потери за весь период завоевания Кавказа составили около 100 тыс. человек. Но, по его мнению, от болезней и разного рода лишений погибло около миллиона военнослужащих⁸⁴. По нашему мнению, это цифра сильно преувеличена. С одной стороны, действительно, в любой войне (это доказано медицинской статистикой) смертность от болезней превышает количество смертей от ранений, но с другой стороны это происходит не в таком соотношении, какое приводит историк В.В.Лапин. Этот исследователь пишет также не только о числе погибших среди военных, но и показывает потери у мирного населения. Исследователь констатирует в своей работе: «Для того чтобы включить в состав империи еще четыре миллиона новых подданных, потребовалось погубить два миллиона таковых... Как известно, давней и живой отечественной традицией является измерение воинских заслуг степенью жертвенности. Миллион русских, легших в завоеванную землю, становились гарантом того, что всякие попытки предложить «иной» взгляд на присоединение Кавказа представлял собой посягательство на один из устоев национального сознания с минимальными шансами на успех»⁸⁵. Нам представляется, что огромные цифры, не подтвержденные документально официальными статистическими сведениями производят сильное впечатление на читателя, вводят его в заблуждение относительно реально произошедшей действительности и создают ярко негативное отношение к прошедшим событиям, мешают взглянуть на историю объективно.

В дореволюционных работах подход к оценке действующей системы местного управления обуславливался идеологическими позициями исследователей, подавляющее большинство которых не являлись профессиональными историками. Отсюда и различный уровень анализа изучаемых проблем. Нередко, вводя в научный оборот ценнейшие сведения конкретно – исторического характера, в своих теоретических построениях авторы этих работ были далеки от объективного объяснения основ происходивших в крае процессов. Дореволюционные авторы при освещении административной политики власти в регионе, зачастую вольно или невольно пытались завуалировать ее истинное содержание, представить устройство военно-администра-

тивного управления на Кавказе, в том числе и в Чечне, только как несомненное достижение, благо для коренных жителей. Изучая административную политику правительства в Чечне, современники смотрели на управление краем как на продолжение покорения чеченцев. Особенно явственно это видно из работ В.И. Иваненкова и Р.И. Фадеева. Своей прямоотой и бесхитростностью они дают возможность четко уяснить, на каких именно принципах создавались органы местного управления, а также явно демонстрировали принятую в официальных кругах интерпретацию эволюции административной системы управления. Между тем содержащийся в их работах фактический материал, приводимые ими ценные данные делали данную работу познавательной и необходимой⁸⁶.

Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883) с 1844 года служил волонтером на Кавказе, получил два ранения. Известный в свое время публицист генерал Р.А. Фадеев, состоявший при наместнике «для особых поручений», подчеркивал необходимость управлять Кавказом «руками местной администрации», ибо, «по представлениям самих «азиатов» о власти, она должна заниматься лишь поддержанием «внешнего полицейского порядка и преследованием разбойников». «Преимущество разделения функций имперской и местной власти состояло также в том, что все очевидные населению злоупотребления остаются на совести местной власти, не бросая тени на авторитет верховных властителей: «...вся домашняя грязь, мелкое взяточничество и выжимание составляют для населения семейное дело... Никакие нарекания не падают на европейскую власть; неотвратимая грязь азиатского управления не брызжет на священное имя владычествующего народа»⁸⁷. По просьбе князя Барятинского Фадеев написал три основных произведения о Кавказской войне. Однако вслед за этим в 1866 году из-за конфликта с военным министром Д.А. Милютиным был вынужден выйти в отставку. Его работы: «Вооруженные силы России», «Мнения о Восточном вопросе», «Чем нам быть?», «Письма о современном состоянии России» вывели Ростислава Фадеева в число ведущих политических мыслителей России. «Кавказская война, – подчеркивает Фадеев, – нанесла огромный ущерб России. Если бы во время Крымской войны кавказские батальоны появились под Севастополем, англо – французский десант был бы уничтожен. Но России приходилось держать на Кавказе 270 тыс. лучших солдат, способных сломить любого европейского врага». Невероятная продолжительность Кавказской войны объясняется, по мнению Фадеева, боевыми и нравственными качествами кавказских народов, а также воспламенявшим их фанатизмом. По мнению Фадеева, столь мощный успех мюридизма был в значительной степени обусловлен направлением русской политики. Анализ причин возникновения Кавказской войны и первоначальных неудач России, проделанный Р.А. Фадеевым, остается актуальным и поныне⁸⁸.

Интеграция чеченского общества в российское происходила крайне сложно, трудно, с огромными издержками, с применением зачастую насильственных методов, и это обстоятельство вызывало сопротивление значительной части населения. На этом основании возник миф об особом «конфликтном» этносе, закрытом обществе, тейповой организации жизни, которая не поддается реформированию. Согласно теории «единого потока», взятой на вооружение дворянской историографией и чеченскими сепаратистами, чеченское общество в социально-классовом отношении было однородным, в этническом и религиозном плане – сплочённым, монолитным, и чуть ли не на ментальном уровне отторгало прогресс и отстаивало свою самобытность, приверженность к тейповой организации жизни, адату и шариату. В результате все попытки его модернизации не дали ощутимых результатов и породили многовековое противостояние с Россией. Таким образом, как представители дворянской историографии, так и чеченского сепаратизма склонны преувеличивать этнокультурные особенности вайнахского общества, ставшие якобы непреодолимым препятствием на пути модернизации общества. Причину этих явлений они ищут не в методах колонизации края, а в природе чеченского общества. Однако очевидные исторические факты не укладывались в эту схему. В конце XIX начале

XX в. чеченское общество было далеко не однородным в социально-классовом отношении. Формировалась национальная буржуазия, рабочий класс, интеллигенция, появились сословия крупных землевладельцев. Заметным стало классовое расслоение горского крестьянства. Однако в Чечне сохранившиеся институты традиционной жизни, традиции вольных обществ позволяли регулировать, сглаживать возникающие социальные конфликты, снимать остроту классовых противоречий⁸⁹.

В дооктябрьской литературе широкое распространение получила точка зрения, что чеченцы, якобы, до позднейшего времени сохраняли «черты первобытной демократии», что у них не было сословий, они всегда пользовались землями с помощью общинно – передельной системы. Такое предвзятое представление о социальной и аграрной истории чеченцев вполне отвечало идейной направленности исторических работ: их авторы были призваны всей совокупности аграрных мероприятий правительства придать форму законности. Е. Максимов, редактор областной газеты «Терские ведомости» по ряду принципиальных вопросов высказал ошибочные оценки и суждения. Так, он бездоказательно придерживается той точки зрения, что передельная форма землепользования была господствующей в крае вплоть до 60-х гг. XIX в. Здесь сказывалось стремление, во что бы то ни стало оправдать введенную в это время кавказской администрацией общинно – передельную систему землевладения⁹⁰.

Большой статистико – экономический материал сосредоточен в работе Е. Максимова. Однако, давая характеристику землепользования у чеченцев, он отрицал наличие у них частной собственности на землю, подчеркивая господствующее положение передельных форм землепользования. Эти ошибочные суждения были опровергнуты в работе Н.С. Иваненкова⁹¹. На конкретных полевых материалах он доказал наличие у чеченцев частной собственности, сыгравшей важную роль в развитии форм землепользования и социальных противоречиях в 60-70-х годах XIX в. Вместе с тем, поддерживая правительственную политику, он также стремился дать юридическое оправдание новому поземельному устройству горцев⁹².

В 1912 г. в Петербурге вышла в свет единственная в дооктябрьской историографии книга П.И. Ковалевского, специально посвященная восстанию 1877-78 гг. в Чечне и Дагестане⁹³. Автор книги, как и его предшественники, причину выступлений широких слоев населения видел не во внутренних социально – экономических процессах и политике правящих кругов страны, а во «врожденной воинственности» чеченцев, в субъективных устремлениях «выдающихся лиц» или представителей духовенства, в фанатизме или гипертрофированном свободолюбии горцев. Вместе с тем следует иметь в виду, что, хотя у дореволюционных исследователей часто встречаются фактические неточности, обусловленные некритическим их отношением к имеющимся источникам и предвзятым подбором фактов, они сделали немало в деле изучения фактической канвы народного восстания 1877 – 78 г.г. Кроме того, справедливости ради надо отметить, что эти исследователи, призванные оправдать и восхвалять кавказскую политику правящих кругов империи, даже при желании не всегда могли отразить в своих работах реальную картину происходивших событий в Чечне в силу жесткого цензурного контроля⁹⁴. В начале XX века профессор П.И. Ковалевский, по основной профессии врач-психиатр, живо интересовавшийся историей, выпустил книгу «Завоевание Кавказа Россией». Непрофессионализм автора делает его восприятие сюжета особенно показательным – это взгляд типичного представителя патриотически и государственно настроенной интеллигенции⁹⁵.

Существовавшие в горском обществе отношения не укладывались в привычную структуру европейского феодализма. Горский феодализм представлял собой самобытную социальную систему, кардинально отличающуюся от феодализма европейского типа. Для данного общества были характерны такие черты, как сохранение личной свободы основной массы крестьянства и их прав на землю, управленческий характер власти господствующего сословия и др. В то же время народам Кавказа были хорошо известны вассальные отношения. Интенсив-

ная эволюция горского общества в конце XVIII – первой половине XIX вв. проявлялась в формировании частной собственности на средства производства, в том числе и на землю. Самоуправляющиеся горские общества представляли самобытный тип общественного устройства с, несомненно, более выраженными признаками демократизма по сравнению с крепостническим строем России. Сложившаяся у народов Северного Кавказа систему отношений можно считать оптимальной формой использования ограниченных природных ресурсов и организации хозяйственной деятельности горцев⁹⁶.

Развитие Чечни в пореформенный период представляло собой сложный и противоречивый путь вхождения в новый для них мир государственности и гражданских отношений, сочетавший в себе как положительные, так и отрицательные стороны проживания населения региона в составе полиэтнической и поликонфессиональной империи. Населению Чечни предстояло вживаться в экономические, социальные, идейно-нравственные и политико-идеологические процессы и явления, часто находившиеся за рамками их исторического опыта. Многозначность результатов присоединения Чечни к Российской империи не принимает однозначности оценок, их сугубой позитивности или резкой негативности. Чтобы избежать предвзятости, внимание историков должно обладать панорамным видением всей совокупности процессов и сил, их интересов и объективных требований и не заикливаться на силах и действиях, имевших последствием единственно конфронтацию или отторжение⁹⁷. Многие современные исследователи отмечают, что уже в XVI–XVII вв. у вайнахов были свои феодалы. Доктор исторических наук Ш.А. Гапуров приходит к обоснованному выводу, что к концу XVIII – началу XIX в. в Чечне были налицо все признаки складывающегося феодального общества. Заслуживает внимания точка зрения Э.А. Борчашвили, считавшего, что в начале XIX века термин «уздень», утратив своё первоначальное значение, закрепился за привилегированным сословием⁹⁸.

Имперская историческая школа, вместо того, чтобы осудить и признать порочными варварские методы колонизации края, пыталась обвинить чеченцев в неспособности и нежелании приобщаться к современной цивилизации (между тем чеченцы очень легко и быстро воспринимают и осваивают современные идеи и технологии)⁹⁹. Изначально отрицательный образ кавказца в глазах этнополитического большинства явился результатом Кавказской войны (1817–1864). Это нашло своё отражение в публицистике тех лет, да и позже, когда кавказские сюжеты рассматривались не иначе, как в рубриках: «В стране абреков и воров», «В диком крае», «Варварские обычаи и нравы» и т. д., а также в творчестве М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, отчасти А.С. Пушкина и др. Именно в этот период появились крылатые выражения: «злая пуля осетина», «злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал», и «черкесы грозные», и «жажда брани» горцев и т. д. – всё достаточно и однозначно влиявшее на массовое сознание¹⁰⁰. Но далеко не все российские авторы отзывались негативно о горцах. И. Березин, путешествуя по Кавказу, отмечал многие положительные качества чеченцев, прежде всего их мужество и стойкость в борьбе. «Не много я видел на Кавказе, – сообщал он своим читателям, – но и это не многое заставило меня убедиться в ложности иноземных повествований о Кавказе и в легкомыслии наших доморожденных рассказчиков и многосведующих политиков. Горец соединяет отвагу в битве с опытностью в нападении и отступлении; глубокое познание местности и неутомимость в походах. Кто поверит, что горец просиживает, не шелохнувшись, сутки и двое в камыше или где-нибудь за камнем, в ожидании врага, а между тем это правда. Кто поверит, что раненый смертельно горец не вскрикнет от боли, чтобы обнаружить своё убежище, а между тем и это правда. Я далёк от того, чтобы отрицать в горце присутствия какого-нибудь похвального качества: я признаю горскую храбрость, готов допустить небольшую долю и других добродетелей...»¹⁰¹. В 1820 г. в Москве вышла в свет книга Семена Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Книга Броневского стала первым «посо-

бием» для офицеров, отправляемых на Кавказ. В ней подробно описывались нравы горцев и это люди, обладающие несравненной храбростью, доблестью, стойкостью, умением сражаться, умением вести затяжные военные действия, и что, несмотря на сильнейшую племенную раздробленность, они способны объединиться против внешнего врага¹⁰²

К числу исследователей конца XIX века, уделявших особое внимание вопросам земледелия у чеченцев и ингушей относятся, прежде всего, Г. Вертепов и Е. Максимов¹⁰³. Основным хозяином земли, по их мнению, была «родовая» и «поземельная» община. Для оправдания введённой администрацией системы переделов земли оба автора утверждают, что передельная система была господствующей в землевладении горцев до присоединения края к России. Вместе с тем они вынуждены признать, что переделы земли не оправдали себя, ибо чеченцы всячески сопротивлялись переделам¹⁰⁴. Несостоятельность взглядов Г. Вертепова, Е. Максимова выявляют исследования Н. Иваненкова, доказавшего существование в далёком прошлом у горцев частной формы землевладения. Вопросами землевладения много занимался в XX веке И.М. Саидов. Ему удалось доказать, что общинно – передельная система землевладения была для чеченцев давно изжившей себя формой землевладения, вновь навязанной царской администрацией во второй половине XIX века. Углубив мнение Н.Е. Иваненкова о частном характере землевладения в горах, И.М. Саидов доказал наличие частной формы собственности и на плоскости¹⁰⁵. В работах С.Д. Максимова дана характеристика земельного положения горцев Терской области. Особенный интерес для историка представляет показанный в его трудах громадный арендный фонд, основу которого составляли излишки земель станичных юртов, казачьих землевладельцев, а также представлены различные формы собственности на Кавказе.

Первые российские историки, работы которых имели целью обосновать методы, средства и формы управления российских властей на Кавказе, относились к так называемой «военно-исторической школе» и представляли позицию высших правительственных кругов Российской империи. К их числу следует отнести работы Н.Ф. Дубровина, Р.А. Фадеева, А.Л. Зиссермана, С.С. Эсадзе. Данные авторы трактовали проблемы взаимоотношений между горцами и российскими властями, исходя из теории русоцентризма и цивилизаторской роли России в отношении «диких», «отсталых» народов Кавказа¹⁰⁶. В сочинении Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе» собран обширный фактический материал об общественно-политическом устройстве, поземельных и сословных отношениях, религиозных верованиях горцев Северо – Восточного Кавказа, о российско-горских военно-политических отношениях в XIX веке. Данные сведения, по мнению автора, необходимы для руководства российским администраторам в деле управления племенами, находящимися в «патриархальном и первобытном устройстве»¹⁰⁷.

С позиции покровительственно – просветительской миссии российских властей на Кавказе трактует принципы деятельности российской военной администрации А.Л. Зиссерман. В книге «Двадцать пять лет на Кавказе» он указывает на недостатки в действиях русской администрации, которые привели к всеобщему восстанию в Чечне в 1840 году. Главные среди этих недостатков, по мнению Зиссермана, – отсутствие преемственности и системности в действиях часто менявшихся главных начальствующих лиц на Кавказе. Заметное место в работах А.Л. Зиссермана занимают вопросы, связанные с проблемой религиозного фанатизма горцев, который, по его мнению, являлся главным источником их враждебности по отношению к российской власти и для устранения которого «нужны многие годы настойчивой, систематической и энергичной политики»¹⁰⁸. Особое место среди указанных авторов занимает Р.А. Фадеев, являвшийся в годы Кавказской войны одним из адъютантов фельдмаршала Барятинского, близким и доверенным наместнику человеком. Свою книгу он написал по поручению наместника. Есть основания полагать, что эта книга отражает взгляды самого князя Барятинского. Цель его работ – построение теории колониального управления России на азиатских окраи-

нах и обоснование российских стратегических интересов на Кавказе¹⁰⁹. Фадеев скептически относился к возможностям успешной просветительской миссии в Азии «посредством Европейского владычества» и делал на этой основе вывод о бесперспективности попыток уравнивать российские азиатские окраины с остальной империей путём распространения на них общерусских форм администрации. Систему военно-народного управления, установленную у горцев Кавказа он рассматривает как искомый образец для новых потенциальных владений России в Азии, как залог спокойного и выгодного для российского государства обладания инородческими территориями. Фадеев проводит сравнительный анализ этой системы с колониальным управлением европейских держав в Азии¹¹⁰.

Последовательное изложение механизма вовлечения народов Кавказа в сферу социально-экономического и политического развития Российского государства дал С. Эсадзе – редактор военно-исторического отдела окружного штаба, один из последователей В.А. Потто. Достаточно обширный объём используемых им документов позволил показать всестороннюю картину управления краем¹¹¹. Работы авторов, близких к правительственным кругам имели научную важность в связи с тем обстоятельством, что получали доступ к ценным архивным материалам, многим закрытым документам¹¹². С.С. Эсадзе в своём двухтомном труде «Историческая записка по управлению Кавказом» использовал обширный фактический материал, изъятый из архивов кавказских наместников, архива Горского управления и других органов управления на Кавказе. По этому данный труд, не смотря на ряд субъективных выводов и оценок автора, как в отношении системы управления Кавказом в целом, так и отдельных направлений в деятельности властей, является важнейшим источником систематизированной информации о деятельности российских властей на Кавказе в XIX веке. В указанном труде Эсадзе предпринимает попытку обосновать закономерность установления на Северо – Восточном Кавказе военно-народной системы управления, исходя из особых политических и экономических условий, сложившихся в данном регионе. Большое место в его трудах уделяется организации судебной системы и причинам сохранения судопроизводства по адату и шариаду. Эсадзе создал глубокие и верные исторические портреты представителей российской элиты на Кавказе, доказывая в своих исследованиях возможность сочетания в политике либеральных и реакционных тенденций. Общий недостаток работ представителей «военно – исторической школы» – чрезмерная идеализация созданной царизмом административно – судебной системы управления горцами.

Однако в то же время, некоторые историки излагали неожиданно прогрессивные для своего времени и положения взгляды. «Звание Наместника было учреждено при чрезвычайных обстоятельствах, которых более не существует», – отмечал Р.А. Фадеев в 1880 годах, ратуя за гражданское управление, сходное с управлением во внутренних губерниях России¹¹³. Представители дворянско – монархического направления В.Н. Потто, М.Н. Караулов и другие полностью одобряли политику царизма во всех её проявлениях, воздавали ей хвалу. Само происхождение толкало их на это. В.А. Потто (1836–1911) например, был из дворян Тульской губернии, обучался в Орловском кадетском корпусе¹¹⁴. Симпатии этих монархистов были полностью на стороне казачества, которое изображалось верным и почти единственным защитником самодержавия, его надёжной военно-полицейской опорой¹¹⁵.

Вторая половина XIX века – важный период в отечественной науке, связанный с дальнейшим, более широким включением края в сферу общероссийских научных интересов не только царских чиновников и официальных лиц, но и прогрессивных либеральных деятелей, учёных-естествоиспытателей, путешественников. Я.М. Абрамов, журналист – народник, придерживался в своих воззрениях буржуазно-либеральных взглядов. С переездом Абрамова на Кавказ большое место в его публицистике заняло описание горцев, их оригинальных традиций и обычаев. Проживая постоянно в Ставрополе, он часто выезжал в горные районы Северного

Кавказа¹¹⁶. Я.В. Абрамов неоднократно выступал на страницах печати в защиту горцев, поднимал насущные вопросы горской жизни¹¹⁷. М. Владыкин много путешествовал по Кавказу. Результатом его наблюдений и изучений стал «Путеводитель и собеседник по Кавказу», выпущенный в 2-х частях. Книга настолько понравилась читателям, что была переиздана в 1885 году¹¹⁸.

Из той части ссыльных поляков, которые решили навсегда остаться в России, особое место принадлежит известному кавказоведу Иосифу Викентьевичу Бентковскому. Не смотря на отсутствие специальной научной подготовки, он написал труды по статистике, краеведению, этнографии, географии, гидрографии, ирригации, лесоводству, рыболовству, коневодству, кустарной промышленности и транспорту на Кавказе. Глубокие исторические исследования на основе архивных материалов, почерпнутых как из местных архивохранилищ, так и из архива Министерства иностранных дел, проводил И.В. Бентковский¹¹⁹. Деятельный участник различных научных обществ И.В. Бентковский ещё при жизни заслужил авторитет и общественное признание. С 1871 года он являлся секретарём Ставропольского статистического комитета¹²⁰. И.В. Бентковский создал атлас распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе. Атлас состоял из 5 карт, показывающих населённые места в 1778, 1803, 1828, 1853, 1873 и в 1878 годах¹²¹. Краеведческой тематике посвящено около 200 научных работ И.В. Бентковского. Научный уровень ряда из них, особенно по проблемам статистики, картографии, метеорологии, не уступал трудам профессиональных столичных ученых. Большинство работ Бентковского представляют собой краеведческое описание. Им присущи междисциплинарный подход и комплексность различных сведений: исторических, археологических, этнографических, правовых, статистических и географических¹²².

Первая попытка сбора и записи адатов горских народов Северного Кавказа была предпринята в конце XVIII – начале XIX вв. в связи с учреждением в Кабарде так называемых «родовых судов» и «родовых расправ», в которых судебные разбирательства проводились по адату и шариату. В 1818 г. А.П. Ермолов поручил провести новый сбор сведений по обычному праву кочевых народов Кавказской области. В 40-е гг. XIX в. сбор и запись адатов велась по всем участкам Кавказской Линии. На основании этих материалов капитан генштаба М.Я. Ольшевский составил общий свод собранных адатов. В начале 80-х гг. секретарь Ставропольского статистического комитета И.В. Бентковский передал эти рукописные записи в дар Одесскому университету, где они были опубликованы профессором этого университета Ф.И. Леонтовичем, составив крупный вклад в изучение обычного права Кавказа¹²³.

Англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата в российской кавказской практике. В частности, французские военные, подобно русским офицерам, стали собирать и записывать обычное право кабиллов в Алжире. Очевидно, правильно говорить о своего рода «обмене опытом» колониального управления между великими державами в XIX веке. Из переписки русских военных на Кавказе, известно, что опыт французов в Алжире в значительной мере подвиг их к решению использовать местный адат и сельскую администрацию для управления горцами¹²⁴. Под внешним воздействием, и в силу складывающихся исторических причин, власть и ученые в Российской империи пришли к применению в государственном управлении и законодательном процессе результатов исследования обычного права. Большую роль здесь сыграли труды комиссии по изучению народных юридических обычаев, созданной в Петербурге при Географическом обществе. Одновременно с сюжетами обычного права власть и исследователи занимались анализом народной или традиционной юстиции. Были сделаны выводы, что, традиционная юстиция действует на основании обычного права и ставит своей целью не применение формальной законности, а, на поиск справедливости. К концу XIX в. рос-

сийская юридическая и этнографическая науки накопили значительный эмпирический материал по адатскому праву и весьма преуспели в его теоретическом осмыслении¹²⁵.

В XIX веке большое внимание уделялось статистическим исследованиям. Сначала это было связано с военной необходимостью, а затем с подготовкой реформирования и введением фискальной системы. Давно уже было замечено, что числа особым образом действуют на сознание людей, придают тексту большую значимость и достоверность. На читателей обычно воздействует уже сам вид числа. Число распространяет «очарование» на весь текст, который его сопровождает; число считается лучшим показателем научности информации. Сила языка чисел объясняется тем, что число «кажется» абсолютно беспристрастным и «не может лгать». «Сила» чисел «повышала уровень» многих докладов и отчетов кавказских чиновников в глазах вышестоящего начальства¹²⁶.

Большой вклад в дело изучения статистики региона внес Николай Карлович Зейдлиц. Известный кавказский статистик и переводчик немецких трудов о Кавказе на русский язык, Н.К. Зейдлиц родился 25 июля 1831 года в Риге. Он закончил физико-математический факультет Дерпского университета со степенью магистра. С 1858 года служил на Кавказе. В 1863 году начал работу в Главном управлении наместника кавказского. С 1868 года (31 год) стоял во главе Кавказского статистического комитета¹²⁷. Особенно важной и необходимой для исследователей является работа Николая Карловича Зейдлица «Списки населённых мест Кавказского края», в которой показаны уникальные демографические данные¹²⁸. Н.К. Зейдлиц (1831–1907) много путешествовал по Чечне, а потом делился своими наблюдениями с читателями¹²⁹.

Уже в ходе Кавказской войны ученые начали изучение чеченского региона, даже не смотря на смертельную опасность, которой они подвергались. В 1845 году состоялась первая командировка на Кавказ Г.В. Абиха. Знания учёного так поразили князя М.С. Воронцова, что он удержал Абиха и предоставил ему место чиновника особых поручений по горной части. В связи с этим назначением в 1847 году Абих отказывается от профессуры в Дерпте и начинается кавказский период его деятельности. Герман Вильгельмович Абих родился в Берлине 11 декабря 1806 года, а скончался в 1886 году в Вене. В 1831 году он получил звание доктора минералогии в Гейдельбергском университете. Изучению Кавказа Г.В. Абих посвятил более 42 лет своей жизни¹³⁰.

Адольф Петрович Берже родился 28 июня 1828 года в Петербурге, во французской дворянской семье, эмигрировавшей в Россию в 1805 году. А.П. Берже положил начало углубленному изучению вопроса мухаджирства. В работе «Выселение горцев с Кавказа», опубликованной в 1882 году в «Русской старине» он использовал многочисленные официальные донесения и статистические данные. Автор хотя и старался оправдать завоевание Кавказа и вытеснение части его населения в Османскую империю, всё же не мог обойти молчанием жестокости царизма по отношению к переселяющимся горцам¹³¹.

В российской историографии термин «колонизация» утвердился со времён В.О. Ключевского и М.К. Любавского¹³². В интерпретации названных учёных он не носит, как в более позднее время, идеологизированный характер, ибо основан на критерии цивилизационного характера, учитывающего природные и культурно-исторические особенности стран и народов¹³³. Термин «колонизация» используется в данном исследовании в более широком смысле, свободном от идеологизации. Он включает в себя не только освоение, но и социокультурное содержание.

Следует также отметить, что в дореволюционном прошлом горские народы Северного Кавказа почти не имели своей интеллигенции. Подавляющее большинство работ по истории края принадлежало русским историкам и публицистам, большинство из которых являлись государственниками, что накладывало определённый отпечаток на их оценки деятельности

русских властей. Поэтому особую ценность представляют немногочисленные работы местных авторов, которые стали появляться на рубеже XIX–XX веков, и представлявшие, хотя бы отчасти, голос той основной массы населения края, которая и была основным объектом «умиротворительной политики» и «цивилизаторской» деятельности правительства¹³⁴. А.Х.Цаликов, Г.М. Цаголов, И.-Б. Саракаев, А.Г. Ардасенов и К.Л. Хетагуров, Мутушев А.М., Мутушев И.М. в своих работах выступали в основном с критикой действий властей по отношению к коренному населению¹³⁵.

Известный экономист и публицист А. Ардасенов будучи чрезвычайно тонким наблюдателем, не упустил ни один момент из происходящих социально-экономических изменений; попытался установить причины каждого и дать им свою оценку¹³⁶. Одной из ценных работ в дореволюционной историографии является исследование А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», изданное в Тифлисе и показывающее социально-политические изменения, произошедшие в жизни народов Северного Кавказа в XIX веке. «Новые экономические отношения, в которых горцу приходится действовать, – писал Ардасенов, – волей или неволей, как более развитые и могущественные подвергают его хозяйственный быт, культуру, серьёзному испытанию, увлекая за собой и подчиняя своему влиянию». По мнению Ардасенова, представление горца о вещах, явлениях, даже изменение отношения к торговле, к войне, увлечению вином, распространение воровства стали прямым или косвенным следствием того, что «горская культура не выдерживает борьбы с европейской торгово-промышленной культурой и уступает шаг за шагом на всех пунктах»¹³⁷. Историко-этнографические работы А. Ардасенова и И.-Б. Саракаева дают достаточно деидеологизированное представление о некоторых элементах социальной организации горских обществ, особенностях менталитета различных народов, в том числе их поведение по отношению к соседям иных национальностей¹³⁸.

Чеченский офицер, писатель и публицист И.-Б. Саракаев (Сарокаев) прежде всего, указывает на то, что главной причиной недоверия населения Чечни по отношению к властям явилось отступление царской администрации, после того как «политическим соображениям не осталось места», от тех обещаний, которые были даны чеченцам в прокламациях наместников М.С. Воронцова и Барятинского, особенно в части неприкосновенности их земель¹³⁹. Ибрагим – Бек Саракаев родился в 1883 г. в крепости Ведено. Окончил реальное училище во Владикавказе. В 1902 г. переехал в Тифлис, работал в популярном журнале «Кавказ». Опубликовал ряд рассказов и очерков. В 1907 г. переехал во Владикавказ, работал в газете «Терек», сотрудничал в других кавказских изданиях. Он является автором материалов по национальным и земельным вопросам Чечни, проблемам судостроительства, развития культуры и образования. И.-Б. Саракаев стал автором историко – философских исследований по мюридизму и движению под руководством Шамиля. В 1913 г. Саракаев издал книгу «По трущобам Чечни», в которой бичевал острые земельные, экономические и социальные проблемы чеченского народа.

Другой видный чеченский общественный деятель А.М. Мутушев родился в 1879 г. в семье офицера русской армии М. Мутушева. Ахметхан окончил Санкт – Петербургское артиллерийской училище, стал профессиональным военным. Дослужившись до капитанского чина, Мутушев вышел в отставку в звании подполковника. Затем окончил юридический факультет Харьковского университета и стал присяжным поверенным. Одновременно занимался публицистической деятельностью. Одна из первых публикаций А. Мутушева открыла в петербургской газете «Новая Русь» мусульманский отдел. В статье отмечалось, что это «... первая попытка солидной газеты послужить культурно – экономическим интересам мусульман России». Путь к решению национальных и социально – экономических проблем А. Мутушев видел в просвещении горского населения и в либеральных реформах. Мутушев критиковал членов мусульманской фракции Государственной думы за пассивность и предлагал выступить

с требованием проведения сенатской ревизии кавказской администрации. Ахметхан Мутушев переводил на чеченский язык стихи русских поэтов, а также перевел на чеченский язык текст «Интернационала». Известным публицистом, просветителем, фольклористом был И.М. Мутушев. Исмаил окончил горскую школу и военное училище, а затем работал писарем в слободе Воздвиженской (Грозненский округ) и учителем. И.М. Мутушев был автором ряда статей в защиту интересов горского крестьянства от посягательств колониальной администрации. За критические публикации царской администрацией был занесен в категорию «неблагонадежных». Исмаил Мутушев являлся инициатором создания Общества распространения образования и технических знаний среди чеченцев Терской области, автором его устава¹⁴⁰. Г.М. Цаголов подвергал глубокому и тщательному анализу земельные отношения у горских народов и аргументировано доказывал катастрофическое состояние земельной недостаточности, особенно у жителей Нагорной полосы Терской области. Глубокому исследованию Цаголов подверг процесс классовой дифференциации в горском селе¹⁴¹.

Наиболее выдающимися представителями горской интеллигенции были поэт К. Хетагуров и богослов А. Гассиев. В публицистике Хетагурова (как в поэзии, так и в прозе) нашли своё отражение тяжёлое социально-экономическое и политическое положение, острота земельного голода, обусловленные, по его мнению, прежде всего жестокой колониальной политикой самодержавия в отношении горских народов¹⁴². К.Л. Хетагуров предлагал меры, которые могли бы ослабить остроту аграрного вопроса: покупка при помощи различных кредитных учреждений казённых и частновладельческих земель, организация более доступной аренды для бедных и др.¹⁴³ А.А. Гассиев был одним из самых образованных людей своей эпохи. Афанасий Гассиев родился в 1844 году в осетинской крестьянской семье. В 1858 году, в возрасте 14 лет поступил во Владикавказское духовное училище. В сентябре 1867 года он стал студентом Киевской духовной академии. На степень кандидата богословия А.А. Гассиев представил работу «Коран, его происхождение и образование». В 1871 году ему было присвоено звание магистра. С 1872 года он занимал должность смотрителя духовных училищ Моздока. А.А. Гассиев прекрасно владел французским и немецким языками. В своих богословских работах Гассиев стремился найти точки консенсуса между христианами и мусульманами, то общее, что способствовало их взаимопониманию¹⁴⁴. В публицистических работах А. Гассиев сравнивал земельное положение горцев и казаков, показывал и осуждал недостатки местной административной системы¹⁴⁵.

В начале XX века на фоне взрыва политической нестабильности в стране и на Кавказе появляется целый ряд работ, в которых авторы пытаются ответить на вопрос в чём причины «неурядиц» на Кавказе и что надлежит делать властям для исправления создавшейся ситуации в крае? Обсуждение данных вопросов стимулировала начавшаяся в крае разработка, по инициативе наместника Воронцова – Дашкова, реформ административного устройства на Кавказе. Ф.К. Гершельман, Г.А. Евреинов, Г.М. Туманов, А.Ф. Риттих, Н.М. Рейнке, Г.Г. Евангулов предлагают своё видение необходимых для умиротворения края реформ. Ф.К. Гершельман в книге «Причины неурядиц на Кавказе» отстаивает позицию сторонников сохранения исключительных форм управления горскими народами ввиду их неготовности к восприятию более сложных форм общественного устройства, как, например, земства или суды присяжных¹⁴⁶.

Г.А. Евреинов, Н.М. Риттих, Н.М. Рейнке, Г.Г. Евангулов выражали умеренную точку зрения, выступая за постепенное распространение в крае общероссийских форм правления¹⁴⁷. Реформаторская деятельность администрации царского правительства в общих чертах освещена в брошюре Г.Г. Евангулова «Местная реформа на Кавказе», в которую вошли опубликованные им в 1913 году на страницах газеты «Кавказ» статьи и корреспонденции. В них заострено внимание на органах управления самой низшей инстанции, рассмотрены некоторые проекты, разработанные с целью организации участкового и сельского управления. Г.М. Тума-

нов ратовал за скорейшее распространения на Кавказе земского самоуправления, что должно было, по его мнению, способствовать росту благосостояния и «культурности» населения¹⁴⁸.

Изучению обычного права кавказских горцев были посвящены труды видных русских социологов и юристов М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича¹⁴⁹. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – историк, социолог, правовед и этнограф являлся одним из самых выдающихся деятелей конца XIX – начала XX века. Отсутствие расовых и национальных предрассудков делало Ковалевского гражданином мира. Огромный международный авторитет Ковалевского – юриста, признала Англия, избрав его третейским судьёй в одном из конфликтов с Соединёнными Североамериканскими штатами. В обстоятельном труде «Закон и обычай на Кавказе» он проследил древние обычаи и социокультурные институты горских народов. Ковалевский считал ошибочными и даже вредными действия царского правительства по восстановлению норм адатов вместо установления шариата. М.М. Ковалевский считал, что нормы шариата гораздо ближе к русским юридическим воззрениям и в отличие от адата, не поддерживают кровную месть. Так считали и многие другие русские учёные и политики того времени. Как известно, результатом стало внедрение шариатского законодательства на Северном Кавказе в первые годы советской власти (до сер. 20-х годов). Детально разбирая функции казачества, понимая сложность служивого человека – казака, М. Ковалевский писал: «Не зовите его погромщиком и палачом, как бы не было заслужено им это прозвище, пожалейте, наоборот, это послушное орудие чужой неправды»¹⁵⁰. Кавказское право привлекало внимание М.М. Ковалевского не только своей экзотичностью или исключительностью. По мнению Ковалевского, от изучения этого вопроса зависит не только научное понимание «кавказского права» как такового, но и сама суть внутренней политики России на Кавказе. Работы М.М. Ковалевского и по собранным сведениям, и по поставленным проблемам существенно отличаются от всей литературы на эту тему и до сих пор стоят особняком. М.М. Ковалевский привлёк широкий круг источников, в том числе и зарубежных, поставив своей задачей взглянуть на правовые явления того периода с трёх сторон – европейской, российской и кавказской, чтобы найти параллели в развитии правовых идей, традиций разных государств¹⁵¹.

Ковалевский был подготовлен к исследованию «юридического быта» кавказских горцев рядом предшествующих фактов своей биографии: специализацией по истории права в Харьковском университете; научной стажировкой во Франции и Англии, во время которой он знакомился с иностранной литературой по специальности, непосредственно общался с видными научными и общественными деятелями, а также осваивал литературу по новым направлениям в гуманитарном знании – этнографии, этнологии, сравнительной юриспруденции и юридической этнографии. Распространенную в гуманитарном знании XIX в. сравнительно – историческую теорию принадлежности кавказских этносов к народам «общеарийской культуры!» (термин Ковалевского) ученый уточнял и конкретизировал с помощью сопоставления с эмпирико – описательными данными о ее исторических и современных представителях. Консервацию родового быта на Кавказе ученый связывал с тем, что «...потомки Ариев были вытеснены на необжитые горные территории и там, сохранили не только в большей или меньшей неприкосновенности свою политическую независимость, но и особенности своей древней культуры»¹⁵².

В 1875 г. на съезде русских юристов было принято решение о создании Правительственной комиссии по сбору и систематизации материалов по обычному праву. Таким образом, в российском гуманитарном знании возникло новое направление – юридическая этнография. Его специалисты были призваны собирать и обобщать материалы по обычному праву различных этнических групп России. Первоначально дело ограничивалось лишь использованием традиционных для юриспруденции схем и методик. М.М. Ковалевский вспоминал, что всякие попытки его или других исследователей использовать в этой теме исторические аналогии или социологические концепции вызвали яростный отпор их противников. Тему обычного права

у народов Большого Кавказа Ковалевский предполагал разрабатывать с позиции социологического подхода. Для того времени это было новаторским делом. Во-первых, эмпирическую базу своего исследования Ковалевский определял стадийной схемой развития гражданственности и различал в материале «пережитки», «заимствования» и иные напластования. Во-вторых, он соотнес факты обычного права кавказских горцев с верованиями и обычаями других народов на той же стадии развития. В-третьих, Ковалевский толковал обычное право как «зародышевую» форму права, первоначальное средство создания «замыренной среды». Отсюда, в-четвертых, он стремился получить эмпирические обобщения по обычному праву как исторически преходящей норме солидарности¹⁵³.

Другой видный правовед, Ф.И. Леонтович описал осуществление и взаимодействие российского и адатного права, шариата и был, по сути, близок к обоснованию популярной сегодня теории юридического плюрализма на Северном Кавказе в дореволюционный период¹⁵⁴. Леонтович отмечал, что «... Адаты кавказских горцев представляют нередко целиком многие институты древнего германского или славянского права»¹⁵⁵. Исследования М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича позволили ввести в науку самостоятельное понятие и термин «горский феодализм», указывающий как на общие, так и на специфические особенности содержания феодальных отношений. Вместе с тем во всех работах о Кавказе они подчёркивали, что феодальные отношения развивались в условиях сохранения (а у некоторых народов – господства) многих родовых институтов¹⁵⁶.

В трудах европейских, российских и мусульманских мыслителей XIX начала XX вв. были сделаны усилия по-новому, исходя из разных посылок, проанализировать как значение ислама в мировой истории, так и специфику психологии российских мусульман. В сочинении «Божья благодать всеобща» татарский философ и теолог М. Бигиев (1875–1949) призывал к очищению исламской религии от всего наносного. Мулла Аминов в 1909 году выразил мнение, что идеи и принципы национального развития, российские мусульмане позаимствовали, прежде всего, от русских и отчасти от западноевропейцев, с которыми они всё больше соприкасались. Положительно отмечал он и улучшение коммуникаций, благодаря чему и установился обмен идей между российскими мусульманами и мусульманами Турции и Туркестана.

О мусульманах в русском обществе, однако, в целом всё ещё были распространены смутные представления, как верно писал в 1910 году оренбургский публицист П. Зет. Большинство считало, что их сограждане остаются фанатиками, между тем, отмечал он далее, среди них началось сильное «культурное движение». О том, на каких принципах мусульманские исследователи изучали собственную историю, свидетельствует следующее признание. «История – есть биография народов, – писал один из авторов в 1916 году, – она занимается хладнокровно, не увлекаясь, близко не принимая к сердцу, занесением на своей бессмертной странице степени экономического, научного и политического здоровья или гнилости в жизни каждого народа, а также причин и решений, порождающих их...». Объясняя суть этой методологии, автор писал, что «...народы не могут укрыть свои национальные дела от расследований истории, не могут отворотить её решения, так как и история руководствуется больше мыслью, чем чувством, смотрит больше на дела, чем на слова, каждое национальное событие отмечает, как оно произошло в жизни, не обращая внимания ни на чьи слова, не склоняясь ни перед чьей бы то ни было силой»¹⁵⁷. О критическом отношении к своему историческому труду говорил ещё О.Эйхельман: «Товарищ по предмету просить о снисхождении к моему незрелому труду, – не смею, но считаю себя вправе требовать от них внимания к вопросу и содействия к большему его выяснению. Пусть каждый даёт плод своего посильного труда; и слабый, но честный труд принесёт свою долю пользы»¹⁵⁸. По мнению Д.С. Лихачева: «Отрицательный результат исследования – тоже результат, причем обычно самый бесспорный»¹⁵⁹.

В исследовании чеченской истории втор. пол. XIX века большое значение придано знакомству с теоретическими представлениями о национальном вопросе, бытовавшими в то время. Чтобы изучить данный аспект мы обратились к работам правоведов А.Д. Градовского, И.А. Ильина, В.С. Соловьёва¹⁶⁰. Интерес к теории обусловлен тем, что, с одной стороны, она влияла на формирование этнической политики самодержавия, а с другой, создававшие её учёные сами опирались на существующую практику в этом вопросе¹⁶¹. Классические образцы историко-правового исследования сложились именно в 60-90-е годы XIX века и связаны с именами историков русского права – М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича. Эти выдающиеся учёные работали над разными периодами истории, в центре их внимания были различные проблемы, но их объединяло общее теоретическое и методологическое видение исторических особенностей России. Право для них стало инструментом, сквозь призму которого они надеялись «разглядеть» реальную историю России с точки зрения воплощения в ней идеи государства¹⁶².

Созданная М.М. Ковалевским группа из числа выдающихся юристов (А.П. Чуприна, С.А. Муромец, Н.О. Нарсесова и др.) и молодых этнографов, среди которых выделялся Н.Н. Харузин, развернула большую работу по сбору материалов на местах. На Северном Кавказе Ковалевский совершил несколько поездок с целью изучения феодального уклада горских народов. Результатом поездки Н.Н. Харузина на Северный Кавказ явились работы: «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», «По горам Северного Кавказа». Последняя, представляющая собой путевой дневник экспедиции, дает весьма ценные сведения по разным вопросам материальной и духовной культуры горцев¹⁶³.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.